

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ОТДЕЛ 15-К

ТЕНИ БЫЛОГО

Отдел 15-К

Андрей Васильев

Отдел 15-К. Тени Былого

«Автор»

2020

Васильев А. А.

Отдел 15-К. Тени Былого / А. А. Васильев — «Автор»,
2020 — (Отдел 15-К)

Прошлое не всегда представляет собой покрывшиеся пылью экспонаты в музее, растрепанные книги или навеки застывшие лица на картинах. Прошлое - оно рядом, и если на секунду остановиться и замереть, то даже можно услышать голоса тех, кто вроде бы уже покинул эту Землю. Вот только не всегда эти голоса принадлежат тем, кого стоит слушать, и даже просто вспоминать. И совсем уж плохо будет, если их обладатели заявятся сюда, в наше настоящее...

© Васильев А. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Васильев

Отдел 15-К. Тени Былого

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, учреждениями, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Пролог

Западная Белоруссия, конец лета 1944 года

– Хороша, – посмотревшись в карманное зеркальце, сообщила сама себе Марина. – Чудо как хороша, глаз не отвести!

Истины ради стоит отметить, что девушка имела все основания утверждать подобное, поскольку данный факт признавали все особи мужского пола, из числа тех, кто имел с Мариной дело. И даже вечно хмурый Аскольд Иваницкий с Петровки, а уж он бука та еще! После недавней заварушки, связанной с архивами Папюса, где сотрудники отдела на пару с сыскарями из МУРа уже в который раз столкнулись лбами с представителями «Аненербе», Иваницкий ей даже улыбнулся, что было равноценно публичному признанию того, что «безмозглая девчонка, которая постоянно лезет под пули» на что-то способна.

И что говорить о двух молоденьких лейтенантах, которых ей неделю назад предоставили в сопровождающие? Для них она вообще неотразима. И даже для немолодого вислоусого водителя «виллиса» дяди Мирона – тоже.

С этой приятной ноты мысли Марины перескочили на дела текущие, и радость потихоньку, помаленьку испарилась.

Да и откуда ей взяться? Чертов ведьмак словно почуял, что за ним знающий человек пожаловал, и успел покинуть свое логово. Похлебка в миске была еще горячей, огонь в камине горел, а тело ребенка, которого он собирался принести в жертву, еще дергалось, не желая расставаться с жизнью. Само собой, что этот зверь полоснул бедного мальчишку по горлу ножом, не желая оставлять закладную жертву в живых.

Впрочем, нельзя сказать, что время потрачено совсем уж зря, поскольку в список пусть маленьких, но все же побед можно внести ведьмачью книгу, которую Марина изъяла у помощницы этого выродка, прихватив ее на одном из хуторов. Побоялся он свой дневник с собой таскать, побоялся! И зря, поскольку что-то, а выслеживать такие предметы она умела великолепно. Подальше положишь, поближе возьмешь, как любит говорить Тит Титыч. Тоже, кстати, тот еще перестраховщик, сразу видно, что представитель старого режима. Все они тогда жили по принципу «как бы чего не случилось». А как этот потешный призрачный старикан гомонил, когда она сообщила ему, что никого ждать не будет и отправится в Белоруссию на охоту за ведьмаком одна! «Так нельзя», «это безответственно», «это нарушает правила работы отдела».

Правило у отдела одно – враг должен умереть. Других нет. И если в этот момент для выполнения задания отдел может предоставить только одну боевую единицу, значит, так тому и быть. Война на дворе, не до раздумий и сомнений сейчас.

Марина надула пухлые губки, сурово сдвинула черные брови и топнула по полу ножкой, обутой в ладно сидящий хромовый сапожок. После поняла, что выглядит, наверное, довольно забавно, и прыснула, прикрыв рот ладошкой.

Смех смехом, а ведьмака надо искать. Надо. Только где? Впрочем, ответ и так ясен – в лесах, где же еще. Вот только леса те велики и местами непролазны, да и не пустит ее туда никто, сопровождающие скорее ей ноги свяжут, чем дальше опушки зайти дадут. Впрочем, оно и понятно. Война укатилась на Запад, наши части уже Вислу форсировали, к зиме, глядишь, до логова зверя доберутся, но это не значит, что здесь наступил мир. Вон мальчишки на дальних хуторах, когда «виллис» туда заезжал, автоматы из рук не выпускали. И обстреляли их на лесных дорогах за эти дни пару раз, хорошо не слишком прицельно били. Тут в чащобах кого только нет – и фрицы, что от своих частей отбились, и полицаи, которых новые хозяева с собой не прихватили, и идейные противники советской власти, не смирившиеся с ее вторым пришествием в эти места, и «аковцы», которые вообще непонятно что тут делают. Ну и раз-

ной другой пестрой публики тоже хватает. А самое главное – там, в чащобах, среди туманов непролазных мазурских болот, бродит окончательно спятивший от крови ведьмак, которого обязательно надо убить, пока он больших бед людям не принес. Хотя и без того, конечно, он уже наследил изрядно.

Непонятно только, почему этот выродец занялся своим промыслом именно сейчас, после того как фашистов погнали куда подальше, отчего при них не затеял ритуал Перерождения? Боялся? Да вряд ли, этой публике законы не писаны, им что оккупанты, что советская власть – все едино. Ну в том смысле, что без разницы, когда пускать жертвам кровь. Если уж ведьмак решил, что он хочет получить запретную Силу, то смотреть на флаги не станет. А здесь именно о Перерождении речь идет, это навверняка. Что-что, а знаковую вязь на местах жертвоприношений Марина ни с чем спутать не могла, она трактат «О ведах знающих и ведьмаках разных, о их схожести и различии» изучила внимательно. Это точно ритуал, вопрос только в том, сколько жертв этот гад успел принести старым богам. Она нашла четыре места, где лежали изрезанные до невозможности детские тела, но это ничего не значит. Возможно, плохо искала, и их больше, пять или шесть. Но не семь! Для последнего, седьмого, ведьмаку нужен его дневник, ведь не только он получит запретную силу, но и книга впитает в себя запретные заветы, те, что противны и людям, и богам. До бога Марине дела не было, поскольку в него она не верила, но люди – это другое дело, людей надо защищать, это ее работа.

Потому ведьмака найти надо непременно. Найти и уничтожить. И если для этого придется лезть в леса – она отправится туда, что бы ни говорили славные мальчишки, что уже неделю катаются с ней по приказу майора из СМЕРШа. Этот майор, насколько поняла Марина, был знаком с Житомирским, ее начальником, именно он послал в Москву депешу о том, что на освобожденных территориях происходят не очень хорошие события. Причем знаком не шапочно, а изрядно и давно, не просто же так он смог догадаться, что тут не немецкие последние зверствуют, а кое-что посерьезнее происходит.

Правда, майор этот был не слишком доволен тем, что прибыла сюда она, Марина Крюгер, потому в момент знакомства нахмурился почище задаваки Иваницкого. Понятное дело – он ждал пару боевых ребят, а не кудрявую девицу, пусть даже с погонами лейтенанта и с двумя медалями на груди.

Только вот какая беда – нету ребят. Ну почти нету. Стеклов, последний из довоенного состава отдела, этой зимой погиб, когда вурдалачье гнездо в Марьиной роще чистили, Генка Сизов и Володя Овсянников полугодом ранее под Прохоровкой остались, где не только танки друг друга на прочность испытывали. Ну а Петя Швец так и не вернулся из Ленинграда, в который еще в 1942 был откомандирован. Что с ним случилось, куда он пропал – неизвестно. Житомирский после того, как блокаду сняли, пытался хоть что-то разузнать, но все впустую. В последний раз Швеца видели в начале августа 1943 подо Мгой, далее – неизвестность. Вот только Роза Мейер сказала, что среди живых его нет, ей можно верить, кто-кто, а она знает, что говорит. Да и глаза у нее на мокром месте были. У них вроде с Петькой... А, ладно, чего теперь.

Нет ребят. Увела их война за собой, да обратно не отпустила. Кроме Житомирского в отделе остались только она, Мейер, нелюдимый Алексахин и недавно пришедший Лева Эйлер. Но последний, понятное дело, совсем неумеха, у него даже ножа еще нет. А остальные разрываются на куски, только все равно ничего не успевают, потому что обитатели теней как с ума сошли от количества людской крови и боли, которой наполнен мир последние годы. Кому война, а кому мать родна, как любит говаривать Тит Титыч.

Потому не стала Марина кого-то еще ждать и отправилась в Белоруссию одна, как только ознакомилась с текстом депешки. Тем более что все равно из отделиских кроме нее, Титыча и Аникушки не то что на Сухаревке, но и в Москве никого не было, и в ближайшие дни не предвиделось. А самолет, можно сказать, уже стоял на взлетном поле. Да и велика ли трудность – ведьмака заломать? Вон книгу-то она уже у него отобрала! Мало того – уже отправила ее в

Москву с оказией. Она позавчера майору-смершевцу доклад делала о ходе работ, заодно попросила переправить добычу в Отдел, благо как раз самолет в столицу отправлялся. Вот ведьмачий дневник, обернутый бумагой, перевязанный веревками и снабженный тремя печатями, причем не сургучными, а немного другими, и улетел с ним. Ну да, положения работы отдела были немного нарушены, нельзя такие вещи без присмотра оставлять или куда-то отправлять, но так ведь и ситуация внештатная!

Опять же – она не одна. С ней два бравых офицера и один очень сварливый водитель, который, как всегда, чем-то недоволен. Ворчит, ворчит все...

– Поганэ мисцэ, – бубнил в соседней комнате дядя Мирон. – У лиси ночуваты, що пальцямы зэмлю колупаты. Цэ ж хйба хата – двй кимнаты та тры викна?

– А ночью ехать было бы лучше? – чуть иронично осведомился у него Сережа, один из лейтенантов. – Они в темноте, мы на виду, из пулемета нас причесать – одна радость. Бей на свет фар – не ошибешься.

Нет, так-то дядя Мирон прав, место под ночлег они выбрали так себе. Зазевались, забыли, что тут вечереет быстро, да еще и колесо по дороге пробили, пришлось его менять, вот и не успели добраться до темноты в намеченное с утра место, которым являлся поселок с забавным названием Щучин, потому пришлось остановиться вот в этом разрушенном и окруженном со всех сторон лесом хуторе, от которого только два дома да название на карте и остались. Остальное фашисты сожгли, причем, похоже, вместе с жителями. Ощутила Марина тупую боль в сердце при взгляде на одно из пепелищ, и многоголосый стон в ушах на секунду грянул. Она медленно, в пояс, поклонилась тому месту, и прошептала: «Мы помним. Мы отомстим».

– Якшо затыснуть, то не вызвольтыся нам, – спокойно возразил ему водитель. – Та то е нашэ дило, чоловичэ, вийна йдэ, на нэйи вбывають. А дивчына? Йий диточок народжувать трэба. Тай нэ то поганэ, що вина пид пули пидэ, тэ поганэ, що там у лиси не люды, а звири. Що с нэю зробыты можуть то подуматы жакхлыво. Нэ дай Боже!

– Да что ты все каркаешь! – не выдержал второй лейтенант, Миша. – Рассветет – поедем дальше.

Вот только оказался прав не Миша, а дядя Мирон.

Пришли за ними под утро, когда темнота сменилась серыми сумерками.

– Прачнися, – зазвенели в ушах колокольчиками Марины детские голоса. – Прачнися! Бяда! Вороги!

Сон мигом слетел с девушки, поскольку она поняла, кто и о чем ее предупреждает, для нее слышать тех, кто покинул эту землю, было не в новинку, имелся такой талант. Одна ведьма из старых, исконных, в свое время даже сказала ей, что Марина не ту сторону выбрала, что ее место среди детей Ночи, а не тех, кто им жить мешает. Впрочем, девушка особо ее и не слушала, она про себя все знала и другой судьбы не желала. А способность – вот, пригодилась.

Марина метнулась к окну и увидела, как между деревьев мелькают серые тени, окружая маленькую хатку, в которой они нашли пристанище.

Их было много. Очень много. Десятка три, если не больше. И это только с одной стороны.

Лейтенант Миша, которому по жребью для дежурства выпал этот предрассветный час, все же уснул. Мало того – он еще и улыбался, как видно, смотря хороший и добрый сон.

– Подъем, – зло толкнула его в плечо Марина. – Нашел время спать!

Миша открыл глаза, непонимающе глянул на девушку, которая уже будила Сергея и дядю Мирона. Хотя тут это слово не очень подходит – и тот, и другой повоевать успели, потому переход от сна к бодрствованию у них был краток.

– Дождалися, – мигом сориентировался водитель, только глянув в окно. – Не мала баба клопоту, та й купыла соби порося. Усэ, хлопци, це ж наш останний та рйшучый бий, як у писни спиваэться.

– Здесь тоже обложили, – сообщил Сергей с противоположной стороны хатки. – Не уйти.

– Значит, будем воевать, – заявила Марина. – Может, и отобьемся!

– Та й можэ й видибьемся. – Дядя Мирон достал из подсумка диск от ППШ и положил на небольшую приступочку, выступавшую из стены, после подбросил на ладони гранату «Ф-1», которую все называли просто «фенька», распахнул окно, выдернул кольцо и отправил ее наружу. – Хай йм грец, цым злодиям.

Было ясно, что он просто хочет приободрить молоденькую девчушку, не понимающую, что дело совсем плохо, но нужды особой в этом не имелось. Смерти как таковой Марина совершенно не боялась, поскольку знала, что до старости ей не дожить. Ни один сотрудник отдела в своей кровати за всю историю его существования не умер, и для нее исключения вряд ли кто-то сделает. «Никто и никогда» – эти слова были известны всем, кто приходил работать в небольшой особнячок, спрятанный в переулках Сухаревки. Но верить в то, что этот день станет последним для нее, она все же не хотела. Марина Крюгер очень любила жизнь.

Первым погиб Миша. Он умер быстро и легко, даже сам того не поняв, пуля попала ему прямоком в центр лба.

В другой ситуации Марина, может, даже заплакала бы, потому что когда умирают такие молоденькие и симпатичные мальчишки, это всегда беда, но сейчас на это не было времени. Дом был полностью окружен, пули долбили его стены снаружи и внутри, патронов противник не жалел.

Но и гранаты пока не бросал, что уже неплохо.

Или наоборот – плохо?

– О ты ж! – выдохнул дядя Мирон. – А це шо за нечисть?

И правда – за спинами врагов, все ближе и ближе подбирающихся к хатке, стояла рослая фигура в черном плаще с капюшоном, и от нее просто-таки веяло чем-то очень недобрым. Не людским.

– Ведьмак! – поняла Марина, а после охнула, потому что пуля клюнула ее в плечо. Несильно, вскользь, но – больно.

Значит, это нападение неслучайно. И Миша, скорее всего, заснул не сам, помогли ему. И пробитое колесо, видимо, из этой же логической цепочки.

– Ай! – как-то по-детски вскрикнул Сережа, роняя автомат, гимнастерка на его спине начала набухать черным, поскольку пуля пробила тело насквозь. Он инстинктивно дернулся вверх, и в тот же миг свинцовая метель буквально перепоясала его, повалив на пол.

– Ну, ось и усе, дося. – Дядя Мирон метнулся к окну, за которым оживленно загалдели те, кто штурмовал дом, и дал пару длинных очередей. – Ты это... Себе вбивати грех, але живой им в руки тебе попадать не можно. Если шо – я того... Ну...

– Заело. – Марина дергала затвор ППШ, который вдруг взял, и перестал стрелять. – Да что такое!

– Диск скинчився, – дядя Мирон ногой подтолкнул ей автомат убитого Сережи. – Тримай!

Девушка схватила оружие, и в этот момент что-то дважды толкнуло ее в живот, после чего ноги стали словно ватные, а стена ударила в плечо.

– Бисовы диты! – прорычал водитель, а после как-то глухо булькнул, неловко развернулся, и сполз по стене на пол, опустив голову к груди. По его подбородку потекла кровь, медленной струйкой сползая из-под длинного уса.

Это – все, поняла Марина, попыталась поднять автомат, лежавший рядом с ней, но не смогла.

– Никому не входить, – раздался за окном громкий командный голос. – Сначала – я.

Ведьмак. Ему нужен дневник, без него ритуал потеряет половину смысла. Хотя он, конечно же, все равно его закончит, так или иначе. И тогда – все зря. И ее смерть, и гибель спутников – все. А сколько зла он принесет после?

А еще Марину удивило то, что тело ее как чужое, а голова ясная как никогда. Удивило – и порадовало, потому что в этот миг она сообразила, что именно ей надо сделать, причем очень быстро, так как времени у нее ровно столько, сколько этот гад будет идти со двора в дом. Главное – сознание не потерять. И не умереть раньше положенного.

Ведьмак, против ее ожиданий, оказался не страшным дедом с костистым лицом, а вполне себе симпатичным светловолосым мужчиной средних лет.

– Жива, – удовлетворенно сообщил ей он, войдя в комнату и скидывая капюшон. – Очень хорошо. Я опасался, что тебя убьют и придется тратить много сил, вытаскивая твою душу с того света. Подобные забавы очень затратны энергетически.

– Рада, что смогла удружить, – вытолкнула из рта слова напополам с кровью Марина. – И что теперь?

– Где моя книга? – мягко, даже дружелюбно осведомился ведьмак. – Отдай мне ее, и я убью тебя быстро. Это хорошая цена, барышня. Очень хорошая. Просто те, кто ждет на улице, тебе такого не предложат, напротив, они сделают все, чтобы ты долго ждала того момента, когда наконец Смерть тебя заберет. А я ведь, чтобы порадовать своих новых друзей, тебя еще и подлечить могу, не забывай про это. Ты же из судных дьяков, верно? Мне по Покону таким, как ты, легкую смерть давать не положено.

– Погань така, – прохрипел вдруг дядя Мирон и всадил очередь в спину ведьмака.

Тот даже не пошатнулся, только брезгливо глянул на водителя, сделал пару шагов, и вогнал ему в шею серебристое лезвие ножа, который, оказывается, все это время держал в руке.

Казалось бы – пара секунд, но именно их Марине и не хватало для того, чтобы закончить задуманное. И дядя Мирон своей смертью помог ей, так помог, что даже слов нет.

– Не подлечишь, – тихо пролепетала Марина, чувствуя, как какие-то мягкие волны, чем-то похожие на те, что были в Ялте, на море, куда ее в детстве несколько раз возили родители, уносят ее далеко-далеко и от этого залитого кровью друзей дома, и от Земли, где она так здорово и интересно прожила двадцать три года. – Не успеешь. Ничего ты не успеешь.

Тут она немного ошиблась – ведьмак наконец-то заметил круг, нарисованный на стене, и знаки, вписанные в него. Заметить – успел, а вот сделать что-то – нет. Магия, замешанная на крови, особенно смертной, сильна, как ничто другое, и действует она безотказно, потому после того, как Марина почти не повинующимися ей губами шепнула несколько слов, звучащих для обычного человека как невнятная тарабарщина, дом буквально разнесло на щепочки. Дом и всех тех, кто был в нем.

И только одно печалило Марину Крюгер перед тем, как она произнесла последние слова в своей жизни, а именно то, что убить ведьмака окончательно точно не получится. Лет на семьдесят-восемьдесят загнать в небытие – да. А вот убить – нет. Он хоть и не закончил ритуал, но жизненной силы в себя вобрал немало, а значит, раньше или позже вернется оттуда, куда сейчас попадет, и первым делом начнет искать свой дневник. И, значит, тем, кто будет жить после нее, придется туго, они же не будут знать, что именно здесь произошло. Даже, скорее всего, вовсе про все это забудут. Они забудут, но ведьмак-то – нет.

«Вы уж не оплошайте там, ребя...»

Глава первая

Дела семейные

– Отдай! – орала Мезенцева, вцепившись обеими руками в жалобно похрустывающую пеструю пластиковую упаковку «доширака». – Отдай, тебе говорю!

Отдельский домовой Аникушка, который не смог незаметно стянуть столь нелюбимую им быстрозапариваемую еду со стола девушки, и не подумал ее выпускать, напротив, он свирепо сопел, вращал глазами и даже высунул маленький розовый язычок. Мало того – несмотря на разницу в росте и весе, он, похоже, побеждал.

– Что ты опять гомонишь? – раздался недовольный голос Валентины Тициной, штатного демонолога отдела. – Какая же ты громкая, Женька, это ужас просто! Вот когда тут Нифонтов сидел, никакого кавардака не было, а теперь... Шум, гвалт постоянный!

– Ну и целуйтесь со своим Нифонтовым, – посоветовала ей девушка. – А я вот такая! Отдай, гад мохнатый! Отдай! Я есть хочу!

– Ты все время есть хочешь, – резонно заметила Тицина, подходя к стойке дежурного, являющейся рабочим местом Мезенцевой. – Постоянно.

– Так вон, Женечка, тебе Аникушка еду положил, – укоризненно произнес Тит Титыч, появляясь из стены. – И сушки, и конфекту.

– Сами сушки эти грызите! – рявкнула Евгения. – Вам, призракам, может, и не вредно их постоянно трескать, а у меня от них уже изжога!

– Грубо, – покачала головой Валентина. – И где тебя только воспитывали?

– В средней школе номер шесть, – просопела Мезенцева.

– Видимо, очень средней, – подытожила Тицина. – Потому что не сильно воспитали.

Что до Тита Титыча, он обиженно замерцал, а после заявил Нифонтову, который как раз в этот момент вошел в здание:

– Вот, погляди Николенька, как меня, заслуженного сотрудника Особой его императорского величества канцелярии, девчонка сопливая честит!

– Беда, – согласился с призраком Коля, а после спросил у Валентины: – Что тут у вас?

– Не сопливая я вовсе, – возмутилась Мезенцева. – Сами вы...

Пластик коробки наконец не выдержал напряжения и лопнул, содержимое разлетелось по полу, а пакетик с соусом хлопнул по тому месту, где у призрака находился нос.

– Ах так? – возмутился Тит Титыч. – Ну я вам ужо!

И скрылся в стене.

Тем временем, согласно законам физики, спорщики разлетелись в разные стороны, причем Мезенцева при этом крепко треснулась поясницей о стол и чуть не столкнула монитор на пол, а Аникушка хлопнулся всем своим невеликим тельцем о стену.

– Вот злонравия достойные плоды, – подытожила Валентина. – Так вам и надо! И прибраться не забудьте, устроили тут свиноферму. Коль, хочешь бутербродов с колбасой?

– Пока нет, но я запомню, что они есть. – Коля расстегнул пуховик. – Вот кофе горячего желаю. Вика у себя? Вот и славно.

– А мне бутерброды? – осведомилась Женька, потирая поясницу.

– А тебе по губе и по попе палкой, – хмыкнула Тицина. – Вон веник, вон совок. Что до остального – сушки на столе. И изжоги от них, к твоему сведению, не бывает, они, напротив, для желудка исключительно полезны.

Аникушка злорадно хихикнул, и ввинтился в узкую щель между стеной и шкафом, оставив недавнюю соперницу наедине с созданным ими обоими беспорядком. Он был домовой

работящий, любящий чистоту, но при этом отличался еще и немалой злопамятностью, особенно по отношению к тем сотрудникам отдела, что с ним спорить задумывали.

Нифонтова, ради правды, тоже мало трогали беды Мезенцевой, тем более что большинство из них она всегда сама находила на свою голову. Зимой, когда эта непоседливая девица только-только появилась в отделе, он было взял над ней нечто вроде шефства, руководствуясь принципом «меня опекали поначалу, и я сделаю то же для новичка», но очень быстро понял, что рыжеволосой бестии палец в рот не клади. Была Евгения остра на язык, категорична во мнениях, и неугомонна до такой степени, что даже невозмутимый обычно Пал Палыч в какой-то момент заявил Ровнину, что лично он эту малахольную с собой больше никуда брать не станет, ибо от нее московскому народонаселению вреда больше, чем от иного гуля. Тот парутройку человек схарчит – и доволен, а эта всем, кто рядом с ней находится, мозги высушивает до состояния изюма. Руководитель отдела подумал, подумал, да и принял кое-какие организационные решения.

Вот так и оказалась Женька в должности вечного дежурного по отделу, что ее совершенно не устраивало. Но изменить ничего было нельзя, поскольку Ровнин свои приказы отменял только тогда, когда сам находил это нужным, никакие уговоры, угрозы и жалобы его на подобное сподвигнуть не могли.

– Точно тебе говорю – неспроста эта заноза здесь оказалась, – сообщила Тицина Коле, когда они поднимались по лестнице на второй этаж.

– Тоже мне новость, – фыркнул тот. – А кто просто так сюда попадает?

– Не в том смысле, – покачала головой Валентина. – Сдается мне, ее сюда кто-то специально сослал, так сказать – с глаз долой, из сердца вон. Все знают, что из нашего отдела ходу назад в Систему нет, вот эту шепутную к нам и сплавил. Небось там, откуда ее выперли, она тоже всех достала.

– А мы мучайся, – вставил свою пару слов в разговор Тит Титыч, по пояс высунувшись из стены, он, по своему обыкновению, внимательно слушал все разговоры, ведущиеся в стенах здания. – Нет, не по-христиански это!

Нифонтов тяжело вздохнул, и направился к кабинету Виктории, на ходу доставая из кармана пакетик, в котором что-то поблескивало.

Вздых Коли не относился к Мезенцевой, с этим рыжим исчадием ада он более-менее свыкся. Просто с некоторого времени он не слишком любил бывать в кабинете Виктории, холодном и неудобном. Нет-нет, топили внутри так же, как и во всем здании, холод этот был не физический, а душевный. Вика, ранее беззаботная и смешливая, после смерти Германа стала совсем иной, будто пули телохранителя Арвена не только тело оперативника изрешетили, но и ее душу тоже. Не стало в Виктории жизни, ушла она куда-то и не вернулась. За несколько месяцев, что прошли с того дня, когда погиб Герман, Коля только один раз улыбку на ее лице и видел, тогда, когда ряд интернет-издательств сообщил о скоропостижной смерти генерала армии Илюшкина.

Поскольку детали не разглашались, Коля сначала подумал о том, что его коллега плюнула на профессиональную этику и сама прикончила продажного вояку, причем порадовался, что сделано все настолько чисто. Просто будь по-другому, около особняка уже военная прокуратура бы петли наматывала, на пару со службой собственной безопасности. Не факт, что эта парочка нашла бы дорогу к дому, но одно другому не помеха. А тут – тишина, стало быть, следов не осталось. Моральный аспект юношу не волновал, ибо генерал получил то, что заслуживал, и подвергшись непосредственно Коле возможность его на тот свет отправить, он бы тоже миндальничать не стал. Генералов в нашей армии много, их скоро больше, чем солдат, станет, потому как только один отправляется в лучший мир, то на его место сразу пятеро таких же претендуют.

Но, как оказалось, Виктория была не при делах, это ведьмы подмосковные таким образом долг памяти Герману отдали. Как видно, существовала в Поконе некая заповедь, которая предписывала им так поступить. Узнал Коля про это от Людмилы, когда та его навестила в очередной раз, плюнув на установки старших представительниц ковена.

Вот только одна улыбка, как известно, еще не смех, потому Виктория после смерти одного из виновников гибели Германа окончательно замкнулась в себе, общаясь с коллегами исключительно на профессиональные темы. И коллег, разумеется, это очень сильно беспокоило. Более того – зная не понаслышке о том, что из себя представляет этот мир на самом деле, они прекрасно представляли, чем это все может закончиться.

– Если ничего не сделать, то уведут ее скоро на другую сторону, – в один из дней сказала Ровнину уборщица тетя Паша, перед тем собрав всех, кроме Вики, в его кабинете. – Что ты на меня уставился, Олег? Ты профессионал или кто? Тени под ее глазами видел? Какой она бледной стала, заметил? И самое главное – волос у нее выпадать начал. Значит, пьет ее жизнь кто-то. Разумеется, это не Герман, хотя наверняка выглядит эта тварь точь-в-точь как он.

– Виктория опытный сотрудник, – немного неуверенно возразил ей Ровнин. – Кто-кто, а она подобную дрянь сразу срисует.

– Она в этой ситуации ни разу не сотрудник, – топнула ногой тетя Паша. – Олег, не заставляй меня думать о том, что в свое время кое-кто допустил ошибку, сделав тебя начальником отдела. Ты очевидного не замечаешь? У нее чувства взяли верх над разумом, поскольку она горе от потери поставила выше того, что происходит вокруг. Какая-то погань это учуяла и присосалась к душе Вики, как пиявка. А ей это и в радость, потому что она видит того, кого потеряла, хоть так, хоть ночью. Само собой, умом она все понимает, но против ничего не имеет, потому что хочет умереть. А вы все смотрите на происходящее и молчите.

– Я пробовал поговорить – неохотно выдавил из себя Пал Пальч – Она меня послала куда подальше. Ну не словами, понятное дело, но глянула так, что все сразу стало ясно.

– Да плевать, – тетя Паша поджала губы. – Ты ей кто есть? Боевой товарищ. Так и веди себя соответственно. Тебе дела не должно быть до всех этих соплей, они от слабости бабьего нутра идут. Мы все раньше или позже погибнем, своей смертью никто из отделских ни разу не помер, и если каждый из нас за собой хоть одного сотрудника прихватит, то дом скоро опустеет, только Аникушка с Титычем здесь и останутся, да, может, еще я старая с ними за компанию, к своей печали. Мы не для сантиментов здесь государством посажены, а для других целей, так что давайте, поработайте с девкой, выберите ей блажь из головы. Или я сама ей займусь, а мои методы вы знаете.

Непосредственно Коля про методы тети Паши ничего не знал, но глянув на выражения лиц старших коллег, понял, что вряд ли их можно назвать добрыми и гуманными.

О чем у Ровнина с Викторией на следующий день разговор состоялся, какие слова звучали за закрытыми дверями кабинета, какие доводы или обещания, Нифонтов не знал, да и знать не хотел, но факт остается фактом, – чуть оттаяла девушка, пропала пугающая отстраненность от жизни, которая было появилась. Но только чуть, не более. От той резвухи, которую Коля впервые год назад в этом здании встретил, ничегошеньки не осталось. «Снежная Королева» – так прозвала ее неугомонная Мезенцева, и это прозвище подходило новой Виктории как нельзя лучше.

Впрочем, на деловых качествах Вики это все никак не сказалось, даже наоборот, пожалуй, она вышла на новый уровень профессионализма. В прошлом она могла что-то забыть или даже перепутать, теперь подобное было просто невозможно. Да, собственно, она буквально жила на работе, с видимой неохотой каждый день отправляясь домой, в свою пустую квартиру.

– Привет. – Коля помахал рукой девушке, которая даже голову не повернула в тот момент, когда он вошел в кабинет. – Вот, держи. Еще один кулон, и опять та же самая ерунда.

– Проклятие? – утвердительно спросила Вика.

– Оно. – Нифонтов плюхнулся на старое продавленное кресло, которое стояло в кабинете Вики с незапамятных времен, еще чуть ли не с довоенных. Наверное, его стоило бы давным-давно выкинуть, но Аникушка по какой-то причине не давал этого сделать. Мало того, он и в другой кабинет его перетаскивать запрещал. – И снова владелица женщина, и снова пострадал ее ближний круг, разумеется, в той части, которую сия гражданка терпеть не может. Одна заклятая подруга облысела до стадии «коленка», а до того являлась владелицей великолепной белокурой копны волос, у второй прекрасные огромные голубые глаза закрылись катарактой, у третьей...

– Все, остановись, – попросила оперативника Вика. – Понятно. Ничего нового, кроме четвертого экземпляра в мою коллекцию. И, как в прошлый раз, владелица совершенно не помнит, как именно данное украшение приобрела?

– Абсолютно, – подтвердил Коля. – Но признала при этом, что из семейной кубышки исчезла некая сумма денег, причем весьма изрядная. И то, что эта штучка может сотворить, она тоже знает, так, будто ей кто-то про это рассказал. Теперь можно с уверенностью говорить, что некая добрая душа поставила производство проклятых кулонов на поток.

– Это было предельно ясно после второго случая, работа-то одинаковая, – поморщилась девушка, взяв украшение в руку и поднося его к глазам. – И кто же это такой жадный и хитрый у нас завелся, а?

– Не знаю, – покачал головой оперативник. – По крайней мере – пока. Но уже сейчас скажу точно, что это не ведьмы. Нет, спихнуть с рук пару проклятых предметов они, конечно же, могут, но чтобы самим подобное производить, а после еще и конвейер налаживать? Да ну, ерунда. У них расчетливость всегда повыше жадности стоит. А вот кто-то из молодых колдунов, у которых в голове ветер свищет, запросто мог такое сотворить. Сделал один, забавы ради, удалось его удачно продать, появились легкие деньги, которые быстро ушли, захотелось продолжить банкет...

– Слишком топорная работа, даже для начинающего колдуна, – перебила его Виктория. – Так что нет, не годится твоя версия в части персоналий. А вот все остальное, то, что ты насчет легких денег сказал, – это очень может быть. Да и по срокам сходится. Между появлением первого и второго кулона месяца полтора прошло, между вторым и третьим – месяц. Третий к нам попал недели три назад, и вот еще один, четвертый.

– Выходит, мы имеем дело с дилетантом, – мрачно констатировал Нифонтов. – Беда!

И у него были все поводы говорить именно так. Когда речь идет о тех, кто живет в тених по праву, о ведьмах, колдунах, гулях, домовых, то с ними все понятно. Нельзя сказать, что просто, но – понятно. Они знают, что за тот или иной проступок придется раньше или позже держать ответ – где перед Отделом, где перед своими же собратьями, а где и по Покону, который является сводом правил, нарушать которые никому не рекомендуется.

Но вот когда в дело вступает человек, который по глупости или по жадности получает в руки знания или предметы, смысл и значение которых он оценить не в состоянии, тогда дело плохо. Не потому, что его найти сложно, хотя и с этим иногда возникают проблемы, а потому, что никто не знает, сколько до того момента будет дров нарублено, и сколько это все будет аукаться по времени. Иные зерна зла, посеянные такими экспериментаторами, всходят через полвека, а то и позже, когда докопаться до изначальной причины происходящих событий уже крайне проблематично.

– Знаешь, Коля, что меня больше всего интересует во всей этой истории? – спросила у оперативника Виктория, глядя на амулет. – Как этот продавец убирает память своим клиентам? При помощи чего? Если это артефакт с наложенными на него заклятием, им же сработанный, то, выходит, он просто многостаночник какой-то. Просто это совершенно разнонаправленные чары, из чуть ли не противоположных областей познания. Одно дело – сотворить простое и незамысловатое зло, вроде наведения порчи, совсем другое – работа с памятью и

чувствами. Это как арифметика для четвертого класса и высшая математика – наука вроде бы одна, но уровень совершенно разный.

– Найдём – спросишь, – бодро ответил Коля. – Четвертый эпизод есть, мы теперь в своем праве. Сейчас Ровнину доложусь, и можешь начинать искать этого умельца.

Вика кивнула и убрала цепочку с кулоном в небольшой металлический ящик, туда, где лежали его собраты, добытые оперативником ранее. Как и было сказано, она изначально не сомневалась в том, что все эти предметы являются звеньями одной цепи, но, по неписанным правилам Отдела, ранее четвертого идентичного случая правонарушения чары для поиска злодея применять не разрешалось, следовало обходиться обычными способами сыска. Кто и отчего такое правило придумал – неизвестно, но нарушать его никто не собирался, как, впрочем, и некоторые другие, не менее категоричные. Отдел чтит свои традиции, а его сотрудники прекрасно осознавали, что их предшественники точно были не глупее их, и если они вводили когда-то какие-то ограничения, то делали это не просто так, по своей прихоти.

– Сразу скажу – по возможности, постарайся его живым взять, – велела Коле Виктория. – На предмет пообщаться. Ну и все свитки, книги, пергаменты, что будут обнаружены...

– Не учи ученого, – попросил ее оперативник. – Слава богу, не первый день работаю, процедуру знаю.

Он очень надеялся, что она сейчас как-то пошутит, вроде «ну да, не первый день, а целый второй год», или просто улыбнется. Но – нет, девушка будто не услышала его. Хотя, может, так оно и было, может, Вика просто уже забыла о том, что Нифонтов все еще здесь. Про дело все проговорено, а остальное, что к нему не относится, – несущественно.

Выйдя из кабинета и прикрыв за собой дверь, Коля печально вздохнул и направился к начальнику Отдела 15-К Олегу Георгиевичу Ровнину, без санкции которого в этом мутном деле все равно было никак не обойтись. Традиции традициями, а старший отмашку дать должен.

– Валентина, отстань от меня, – услышал оперативник страдальческий голос начальника, еще не доходя до его кабинета. – Ну что вам всем от меня сегодня надо?

– Справедливости, – заявила Тицина. – Только ее. Это рыжее чудовище скоро все здание разнесет по кирпичику!

– Сама ты чудовище, – раздался голос с лестницы, и он принадлежал Мезенцевой. – Я тебя, между прочим, никогда не обзывала!

– Не хватало только, – окончательно разъярилась Валентина. – Олег Георгиевич, если ты от нее не избавишься, то я подам в отставку, так и знай! В конце концов, в этом что-то есть, будет создан прецедент ухода человека из отдела не на кладбище, а на заслуженный отдых.

– Тебе до пенсии еще служить и служить, – резонно заметил Ровнин. – Или ты себе руку отпилишь, чтобы по инвалидности уйти?

– Лучше без руки дома сидеть, чем с этой блаженной работать! – рявкнула Тицина. – Чего тебе, Нифонтов?

– Мне бы к шефу, – выставил перед собой ладони Коля. – И сразу – я соблюдаю нейтралитет, то есть в ваши дела не лезу, все разборки – без меня!

– То-то ты ее с собой никогда на выезд не берешь, – злорадно заметила Валентина. – С чего бы такая доброта? А я скажу...

– Вот-вот! – поддержала ее с лестницы Евгения. – А я без работы тут совсем скоро одичаю!

– Николай, рад тебя видеть. – Ровнин встал из-за стола, спешно подошел к оперативнику, буквально втащил его в свой кабинет, аккуратно оттеснил за порог демонолога, сообщив той: – Работа есть работа, Валентина. Личное потом, сначала служебное.

После он еще с минуту постоял у двери, убедился, что Тицина, недовольно ворча, отправилась к себе, облегченно вздохнул и сообщил Коле:

– Ужас какой-то. И правда – откуда на нас свалилось это бедствие? За какие грехи?

– Из отдела кадров, – резонно предположил Нифонтов. – Откуда же еще? Да и не такое она бедствие, на самом деле. Просто у Женьки детство еще в заднице играет, несмотря на то что она вроде уже и взрослая деваха. У меня двоюродная сестрица такая же была, почти до «четвертака» дурью маялась, за ум братья не хотела.

– И? – заинтересовался Ровнин.

– Залетела, замуж вышла, родила, перебесилась, – лаконично ответил Коля. – Сейчас в мэрии нашего города работает, после работы домой сразу бежит, мужа борщом кормить.

– То есть ты предлагаешь мне Мезенцевой мужа найти, что ли? – озадачился Ровнин. – Или самому инициативу в плане оплодотворения оной особи женского пола проявить?

– Я ничего не предлагаю – передернул плечами парень, который до сих пор не всегда мог понять, когда его начальник шутит, а когда говорит серьезно. – Просто сказал, что раньше или позже она повзрослеет, тогда и ясно станет – выйдет из нее толк или нет.

– А если ее порвут на куски до того? – устало поинтересовался у него Олег Георгиевич. – Потому что она головой соображать пока не желает и лезет во все щели? А нам после с этим жить?

– Очевидный ответ на очевидный вопрос – мы все раньше или позже умрем на этой службе, как недавно совершенно верно сказала тетя Паша, – философски заметил Коля. – Судьба у нас такая. Я это еще в том году прекрасно понял, и потому полностью перестал на данный счет беспокоиться. Само собой, надо делать все, чтобы свидание с вечностью отодвинулось как можно дальше, но конечный результат от этого не изменится. Женька все это осознает, тем более что мозги у нее все же есть, тут Валентина не права. Ну а если нет – похороним ее на участке, принадлежащем отделу, и типовой памятник установим.

– Может, ты и прав, – подумав, произнес Ровнин. – Однако, когда только заматереть успел, вроде вчера только знай глазами хлопал и всему удивлялся? Что до Мезенцевой – все-таки на самотек данный процесс пускать нельзя, потому ты, Николай, начинай ее к своим операциям привлекать. Не дергайся и не сверкай глазами, возражения не принимаются, потому что это приказ! А теперь выкладывай, зачем пожаловал.

– Четвертый случай по амулетам, – поняв, что от неизбежности в лице Евгении теперь не увильнуть, чуть опечаленно доложил парень. – Все, можно Вику к делу подключать.

– Это те, что неприглядные и черные пожелания хозяйки выполняют? – уточнил Ровнин. – Помню, был о них разговор по зиме. Виктория мнение свое высказала, как они сработаны – качественно, нет?

– Дилетантская поделка, – тут же ответил Коля. – Без вариантов.

– Значит, опять какому-то обалдую в руки не та книга попала, – поморщился шеф Отдела. – Когда же они уже наконец кончатся!

– Обалдуи? – уточнил Нифонтов. – Да никогда, в наших широтах их еще минимум лет на пятьсот припасено.

– Это понятно, – отмахнулся Ровнин. – Я о магической макулатуре. Сколько ее изымать можно? Ведь года не проходит, чтобы опять что-то да не всплыло. Хотя это я так, для проформы жалуясь, у нас сейчас еще ничего ситуация. А вот в шестидесятые-семидесятые вообще беда была.

– Почему? – заинтересовался Коля.

– Так большая застройка в столице началась, деревни десятками сносили, чтобы «хрущевки» на их месте ставить. Сначала строители Черемушки воздвигли, а потом дальше пошли, до Коньково с их яблоневыми садами добрались и Теплых Станов, – пояснил Ровнин. – А деревни те через одну все старые, какие по триста, какие по пятьсот лет на одном и том же месте простояли, не меньше. И в каждой свои колдуны да ведьмы имелись. А еще добавь сюда ведунов, старым богам служащих, которые вблизи стольного града по окрестным лесам отсиживались века до семнадцатого-восемнадцатого, и прочую экзотику.

– Ага, – прикинул масштаб бедствия Нифонтов. – Не позавидуешь коллегам.

– Мне Францев, мой первый наставник и тогдашний начальник отдела, говорил, что ребята тогда столько этого хлама изъяли, что им неделю можно было бы печку топить, – усмехнулся Ровнин. – Причем это не байка, он же еще при Эйлере начинал работать, как раз когда массовая застройка и стартовала. А теперь подумай, сколько проблем у тогдашних оперов возникало, если даже каждая десятая книга выстреливала? Да что десятая – двадцатая!

– Кстати, как вариант, – «Новая Москва», – подумав, заметил Николай. – Там по Калужскому шоссе тоже сейчас дома ставят будь здоров, я это дело недавно изучал, думал там квартиру прикупить. Правда, не судьба, даже с ипотекой все одно не потяну. Так я о чем – может, оттуда ветер дует?

– Возможно, но вряд ли, – покачал головой Ровнин. – Там давно места не столько деревенские, сколько дачные. Хотя кое-что оттуда в городе всплывало, конечно. Но там, помнится, не книги были, а несколько проклятых вещей, наследие Дарьи Салтыковой. Это года за три до твоего прихода случилось. А что до дня сегодняшнего – пойдем по процедуре. Пусть Вика ищет след, а дальше ты уже по ситуации смотри.

– Ясно, – встал со стула Николай. – Разрешите выполнять?

– И Мезенцеву не забывай привлекать, – погрозил ему пальцем Ровнин. – Проверю, понятно?

– Предельно, – вздохнул Нифонтов. – Чего не понять...

Он вышел из кабинета, размышляя о том, что все же визиты к начальству, даже к такому, как Олег Георгиевич, все же никогда ничего хорошего не приносят. И вот это вечное «по ситуации» – оно жутко напрягает. Ситуации – они разные бывают, как в том анекдоте.

– Ну это нормально, – за спиной у Коли раздался голос Пал Палыча, а по плечу хлопнула его рука. – Судя по внешнему виду, озадачило тебя начальство? Так работа у него такая.

– Скажем так – поводов для оптимизма маловато, – признал Нифонтов.

– Заплети печаль веревочкой, – посоветовал ему старший товарищ. – Пошли лучше пожрем. Помнишь обувной на углу стоял? Уже не стоит, зато вместо него кафе открыли. Неплохое такое, я там вчера побывал. Пельмени у них хороши, ушастые. С сыром, с перцем, как положено.

– Пельмени – это хорошо. Но мне бы сначала к Вике заглянуть, сказать, что шеф дал добро на поиск.

– Никуда твоя Вика не убежит – возразил Пал Палыч – А вот обеденный час – запросто. Пошли, говорю.

Внизу первым делом Коля нарвался на злобный взгляд Мезенцевой, опять сидящей за стойкой и с недовольным видом жующей сушки, которые она перед тем с жутким хрустом ломала в своем маленьком кулачке.

– Пошли с нами, – дружелюбно предложил ей Пал Палыч. – Мы в кафе.

– У меня денег нет, – буркнула Мезенцева. – Зарплата только послезавтра. А занимать не хочу и не стану.

– Вольному воля, – согласился с ней оперативник. – А мы пойдем с Колькой, пельмешек наведем!

В принципе, и он, и Нифонтов, конечно же, могли заплатить за Мезенцеву в кафе, ничего особенного в этом не было, но рыжая смутьянка еще в свои первые дни пребывания в отделе объяснила всем, что независимость для нее норма жизни, и она никогда, никому и ни в чем не хочет быть обязанной, даже в мелочах. Все дружно посмеялись, но выводы сделали. В отделе уважали чужие принципы, даже если они выглядели немного странновато. Ну и потом – сюда и не с такими тараканами в голове люди приходили. Перемелется – мука будет. Ну или небольшой памятник на кладбище, тут кому как повезет.

Потому Евгения продолжила хрустеть сушками, а два оперативника через десять минут сидели в теплом и уютном зальчике кафе, ожидая заказанную еду.

– Ничего особенного в происходящем нет. – Коля по дороге ввел Пал Палыча в курс дела, и тот теперь степенно доводил до него свою точку зрения на данную проблему. – Кроме, пожалуй, одного. Память. Вот это меня немного смущает.

– Вику тоже, – вставил свое слово Коля.

– Неудивительно. – Оперативник повертел в руках вилку, проверяя ее чистоту. – Одно дело мастерить кулоны с пакостным, но несложным заклятием. Другое – влезть человеку в голову, да еще избирательно. И вот тут сразу же наклеиваются два предположения о том, как этот хитрован сего достиг. Ну-ка, каких?

– Первое – он нашел заклятие в книге, – загнул указательный палец правой руки Коля. – Второй – сам додумался, как такое сделать. Но это очень сомнительно.

– Сомнительно, – согласился Михеев. – Есть такое. Но вероятность имеется. И если это так, то дальше снова появляется некая вариативность, но она касается уже того, как далее будут развиваться события. Вернее – как ты будешь действовать в данной ситуации.

Молчал Коля, сопел, глядел в окно. Почему? Просто он знал, что это за варианты. В том случае если неизвестный мастер просто хотел поднажиться, и именно поэтому завертел всю эту карусель, – это одно. А вот если он на самом деле пошел дальше и залез в те дебри, куда соваться не стоит, сумев разобраться в написанном, или, того хуже, счел происходящее своим шансом в жизни и намерен продолжать свои занятия, – то все плохо. В данном случае простым внушением или запугиванием человека уже не справишь, он попробовал вкус силы, не принадлежащей миру людей, и это ему понравилось.

И это значит, что, возможно, ему придется решать, что дальше с этим исследователем делать. Причем ошибиться тут нельзя, цена за данную оплошность может быть крайне высока. Сегодня ты ему поверишь, а он завтра кого-то порчей уморит. Случалось такое, рассказывал ему про это Тит Титыч. И не только он.

– Коль, мне казалось, ты это все уже прошел, – мягко произнес Пал Палыч. – Есть слово «долг», прими его как единственно верный аргумент для всех сомнений, в противном случае ты долго не протянешь. Не в эмоциональном смысле, а в физическом. Сомнения – путь к смерти, дружище, пока ты будешь думать, тебя просто убьют. А этого кустаря-одиночку погоди отпевать, не забывай, что подобные самородки, даже со знаком «минус», иногда все же оказываются вполне вменяемыми ребятами. Более того – иногда впоследствии мы даже пользуемся их услугами. О, а вот и пельмешки!

Две огромные парующие тарелки оказались перед оперативниками, от них шел божественный запах.

– Вот еще что, – остановил официанта Нифонтов. – У вас сэндвичи на вынос есть? Очень хорошо. Сделайте мне два с сыром, ветчиной и майонезом, причем последнего побольше добавьте. Или лучше даже три. Очень уж там товарищ прожорливый.

Глава вторая

Дела служебные

– Нифонтов, зайди ко мне, – попросила Вика, перегнувшись через перила лестницы. – Нашла я этого самопальщика.

– Очень хорошо, – обрадовался Коля, сунул сумрачной Женьке пакет с символикой пельменной и поспешил наверх, стягивая на ходу пуховик.

– Не совсем ты скотина, – сообщила ему вслед Мезенцева. – Никогда бы не подумала!

– Жень, ты хоть иногда что-то доброе сказать можешь? – поинтересовался у нее Пал Палыч. – Ну «спасибо» там, или «как хорошо, что со мной работают такие славные люди»?

– Могу, – подтвердила девушка. – Но не хочу. Просто не верю в то, что люди добро друг другу просто так делают, без дальнего прицела. Ни разу такого в жизни не видала и, скорее всего, не увижу.

– Хреновая у тебя жизнь, выходит, до нас была, – глубокомысленно заметил Михеев. – Невеселая. И если точку зрения не изменишь, лучше она не станет.

– Но и хуже тоже. – Мезенцева раскрыла пластиковый короб и с удовольствием причмокнула, глядя на три аппетитных сэндвича. – А чек где?

– Господи, он-то тебе зачем? – изумился оперативник.

– Деньги отдать, – пояснила Женья. – Вам же их не бесплатно дали, правильно?

– Иногда мужчины угощают девушку... – начал было фразу Михеев, но до конца ее не довел, безнадежно махнул рукой и направился к лестнице, бросив на ходу: – У Кольки спрашивай, это его инициатива.

Но Нифонтову уже было не до того, он вприпрыжку бежал к кабинету Виктории, ощущая, как в душе нарастает сыскной азарт, более всего напоминая сейчас гончую, что взяла след.

Он знал, что именно так обитатели Ночи называют тех, кто работает в отделе, но ничего обидного в этом не находил. Да и что плохого в мощном псе, челюсти которого готовы перемолоть в труху кости злодея, омывшего руки в крови обычных людей? Ничего. Да, они псы. Но псы Закона, а это многое объясняет и оправдывает. И если какой-то недоумок взялся изготавливать предметы, которые опасны для окружающих, то он должен быть готов к тому, что раньше или позже его возьмут за горло. Ну а если он не в курсе того, что есть люди, следящие за подобными вещами, то это его проблемы. Незнание закона никого не освобождает от ответственности.

– Мастер этот... – сообщила оперативнику Вика, когда тот вошел в ее кабинет и вопросительно уставился на нее. – Хотя какой он мастер? Дилетант, и все тут. Металл его запомнил, во время работы, похоже, потел сильно, вот пара капель на кулон и попала. А если я еще и про каплю крови упомяну, то сразу станет ясно, что человек совершенно не знаком с основами создания магических предметов.

Она подцепила пальчиком украшение и, склонив голову к плечу, глянула на Колю.

– Может, это не его пот и кровь? – засомневался оперативник, поскольку подобная беспечность казалась совсем уж абсурдной. – Может, они принадлежат той дуре, что данный предмет купила?

– Ты сомневаешься в моей квалификации? – озадачилась Вика, причем иронии, обиды или сарказма в голосе не имелось ни капли, это была констатация факта.

– Ни на секунду, – замахал руками Нифонтов, давая понять, что он сморозил глупость. – Слушай, но тогда, выходит, можно его даже особо и не искать? Если у тебя есть его кровь, а Ровнин дал добро на жесткие меры пресечения, то ты просто-напросто...

– Можно, – согласилась девушка. – Но мы так поступать не станем. Олег Георгиевич немного подкорректировал свой приказ. Для начала он хочет с ним поговорить, причем тут, в нашем здании, потому вот тебе адрес, по которому этот кустарь-одиночка обитает, езжай и привези его. А я свою работу выполнила.

Нифонтов принял у нее из рук белый квадратик, на котором были указаны название улицы и номер дома.

– А квартира? – почесал он в затылке. – Никак?

– Я не адресное бюро, – холодно ответила Виктория. – Мое дело дать заключение и оказать возможную поддержку. Брать руки в ноги, искать и пресекать – твоя часть работы. Свободен!

Коля пробормотал слова благодарности и вышел из кабинета. Если честно – он был изрядно удивлен. Час назад Ровнин недвусмысленно дал ему понять, что методы упомянутого Вико́й пресечения могут быть любые, вплоть до физического устранения злодея, а про то, что его надо сюда везти, речь не шла. Магическая книга, если она существует, – тут да, ее надо непременно изъять и доставить, а вот непосредственно идиот-изготовитель ему был напрочь неинтересен. А тут – бух, и нате вам!

Впрочем, это Ровнин. Коля давно уже понял, что для начальника отдела мелочей не существует, и каждая деталька, какой бы неприглядной она не казалась, раньше или позже встанет в пазл, создавая общую картину. Значит, что-то за этот час произошло, и ситуация изменилась. Что именно? Поди знай. Если будет нужно, ему про это расскажут. Если нет – значит, нет. В этом здании не было принято плести интриги за спиной друг друга или разыгрывать кого-то втемную, сотрудники слишком зависели друг от друга, чтобы заниматься подобной ерундой. По этой же причине Коля ни на секунду не подверг сомнению слова Виктории, хотя на прежнем своем месте службы он точно все бы перепроверил у руководства, да еще бы и письменное распоряжение, пожалуй, потребовал. Слово – оно и есть слово, и даже записанное на диктофон, оно только им и останется. Только не здесь, не в отделе, где никто никогда от сказанного отпираться даже не подумает. Да и врать тоже не станет, в этом здании тайное всегда становится явным, причем очень быстро, и тому в прошлом были примеры, причем довольно мрачные и жуткие. Но излишнему любопытству здесь места тоже не было, потому как иные тайны запросто могли привести особо настырного сотрудника напрямик в могилу. Не потому, что кто-то сочтет его слишком пронырливым, а потому, что есть вещи, которые следует знать только тому, для кого они предназначены.

Коля еще раз глянул на закрытую дверь кабинета Вики, меланхолично вздохнул, достал смартфон и полез в сеть. Повод для печали имелся, ибо поиски фигуранта, похоже, могли затянуться. Но, как оказалось, все складывалось не так и плохо, если верить «Яндекс-картам», дом, в котором обитал искомый субъект, являлся новостройкой о двух подъездах. Всего! Уже хорошо, на месте этого дома могла бы оказаться семи-десятиподъездная «хрущевка» из числа тех, до которых реновация не добралась, а тут все же поле поисков меньше. Опять же – в новых домах обычно наличествует консьержка, в большинстве случаев являющаяся бесценным источником информации. Ну а если очень повезет, то в данном случае ей окажется старушка с шилом в одном месте, для которой жильцы вверенного ей подъезда являются сериалом и реалити-шоу в одном флаконе. Такие бабульки знают все и обо всех, даже то, что жильцы и сами про себя не ведают. Главное – подобрать к ней ключик. Коля букой себя сроду не считал, но при этом до Германа, который являлся гением коммуникации, ему было еще очень далеко. Вот кто таких бабулек на раз-два щелкал.

Нифонтов сцапал с коридорной вешалки свой пуховик, подумал о том, что, видно, не судьба ему сегодня ни на минуту присесть, и отправился вниз, выполнять второй приказ любимого руководства.

– Жень, поела? – осведомился он у Мезенцевой. – Если да – одевайся и поехали.

– Необычная формулировка, – заметила девушка, вытирая губы салфеткой. – Обычно мне говорят: «одевайся и вали». А тут прямо что-то новенькое.

– Да, по этому поводу. – Коля наклонился к девушке поближе, и перешел на полусшепот: – Давай заканчивай такими вещами подрабатывать. Все понимаю, сам госслужащий, на одну зарплату живу, но все же ты сотрудник органов.

– Да пошел ты! – Маленький кулачок Женьки чуть-чуть разминулся с ухом Коли. – Во-первых – несмешно, во-вторых – тупо, в-третьих... Очень толстый троллинг! И ты – очень толстый! Настолько, что твоя ведьма тебя скоро бросит! Поменяет на какого-нибудь мускулистого красавца-лешего. Или – оборотня, вроде Джейкоба!

Роман Нифонтова с ведьмой Людмилой секретом, как водится, ни для кого не являлся. Впрочем, никто в это дело и не лез, кроме, пожалуй, уборщицы тети Паши, которая данный любовный альянс не одобрила, о чем прямо и открыто Коле как-то заявила. Мол – добра ни для тебя, ни для нее не будет, а если, не дай бог, ребеночек случится, то ему горячего в будущем придется хлебнуть поболее, чем им обоим в настоящем.

Ребеночка молодые люди пока не планировали, поскольку виделись очень редко, да и то большей частью во снах. Людмила то и дело Коле снилась, причем видения эти были более чем реальны, из чего парень сделал вывод, что ведьма, похоже, каким-то образом смогла договориться с одним из Повелителей снов, потому что без его помощи такое точно было не вернуть. Странность заключалась в том, что по сведениям отдела ни про одного сноходца ни в Москве, ни в области, ни даже в Центральной России уже лет тридцать никто даже не слышал. Подобный дар всегда являлся большой редкостью, получить его при рождении или магическим путем было невозможно, а что нужно сделать, дабы его обрести, никто не знал.

Немного поразмыслив, Коля про данную странность Ровнину, конечно же, доложил, но тот только улыбнулся и посоветовал проверить все темные углы той съемной квартиры, в которой его подчиненный обитал.

И верно – за стиральной машинкой обнаружился небольшой мешочек, изрисованный старославянскими рунами. Вскрывать его Коля не стал, но кое-какие выводы для себя сделал.

– Слушай, утомонись уже, – велел он Мезенцевой, которая, похоже, настраивалась на очередную потасовку, теперь уже с ним. – Все время забываю, что у тебя дело с чувством юмора обстоит сильно так себе.

– Нормально у меня все с чувством юмора, – буркнула девушка. – Не то что у тебя. Небось опять как в прошлый раз все будет? Ну когда ты с Палычем развлечся за мой счет.

Коля потупился, поскольку понял, о чем идет речь. Недели две назад они с Михеевым вот так же велели ей одеваться, причем с серьезнейшим видом. Женька знала, что они направляются в Сокольники, где утром обнаружили старика с разорванным в клочья горлом, а потому решила, что опала кончилась и ее наконец-то снова начнут брать на выезды. Оперативники терпеливо ждали, пока она закончит метаться по помещению, нацепит наплечную кобуру, покажет язык Аникушке, причем все время сохраняли невозмутимый вид. Сохраняли ровно до того времени, когда на улице вручили побелевшей от злости девушке лопату, с помощью которой ей было рекомендовано расчистить двор от нападавшего ночью снега.

Скажем прямо – шутка была так себе, но в тот момент им было смешно. Михеев, по крайней мере, смеялся залиvisto и звонко даже тогда, когда Мезенцева его догнала и врезала лопатой по хребту.

– На этот раз все серьезно, – заверил насупившуюся Женьку Нифонтов. – Приказ Ровнина, а его слово для меня закон. Но имей в виду – если опять начнешь дурить, лезть туда, куда не следует, или лишнее болтать, то я поступлю как Пал Палыч, то есть лучше уволюсь, чем с тобой работать стану.

– А он прямо так сказал? – расстроилась Женька. – Не знала. Слушай, у меня тогда и в мыслях не было...

– Мезенцева, ты иногда так себя ведешь, что создается впечатление, что у тебя вообще мыслей нет, – перебил ее оперативник. – Ладно, все, с тобой разговаривать надо только после того, как гороху наешься и лимонадом его запьешь. Собирайся, выходи, я на улице.

Ребятам повезло – старушка-консьержка в первом подъезде двадцатипятиэтажной башни оказалась как раз такой, какой надо, это Нифонтов понял сразу, только глянув на нее. Невысокая, ухоженная, с подсиненными волосами и суровым взглядом из-под очков в массивной оправе, она сидела за столом в просторном холле, половину из которого занимал ее пост. Даже не сидела. Восседала – так вернее.

– К кому? – сурово осведомилась бабуля из-за пластикового окна, приглушив звук телевизора, на котором разворачивались очередные студийные политические баталии. – А? Если курьеры – ждите тут, я вашего брата в дом не пускаю. Звоните, пусть жилец спускается и здесь все забирает.

– Нет, уважаемая, – негромко, но очень веско произнес Коля, достал удостоверение, раскрыл его и припечатал к стеклу, Мезенцева повторила его жест. – Мы к вам, и по важному делу.

Консьержка привстала, изучила документ, сверила фото с оригиналом, а после сообщила:

– Чем могу помочь органам правопорядка?

– Информацией, почтеннейшая, информацией, – прищурился правый глаз, таинственно произнес оперативник. – Мы, разумеется, могли бы поговорить с жильцами или с председателем ТСЖ, но что от них толку? Если кто что и знает, то не они, а вы, любезнейшая... Э-э-э...

– Тамара Васильевна, – подсказала ему бабуля, довольно улыбаясь и, несомненно, предвкушая массу новых эмоций как от того, что сейчас она узнает о неких грязных делишках местных обитателей, так и от того, как после про них станет по большому секрету подругам рассказывать. – Да вы проходите сюда, что через стекло беседовать?

– Противная старушонка, – шепнула Коле на ухо Мезенцева.

– Противная, – направившись к двери, подтвердил тот. – Но очень полезная. Потому что все обо всех знает.

И это на самом деле было так. За последующие десять минут сотрудники отдела узнали, что Машка Петрова из двенадцатой квартиры на аборты, как на работу, ходит, что к Мовсесьянам с девятого этажа постоянно какие-то родственники из Еревана в гости приезжают, потому у них вечное застолье и следующее за ним хоровое пение, что у Вязьминых дочка растет жутко невоспитанная и очень распущенная, и пока родители на работе пропадают, к ней постоянно мальчишки бегают, так что если она за ум не возьмется, то ее ждет такое же будущее, как у Петровой из двенадцатой квартиры. И так далее, подробно и с деталями.

Это все было невероятно занимательно, вот только к ответу на главный и единственный вопрос Колю не подвигало.

– А может, кто внезапно разбогател? – задал он Тамаре Васильевне наводящий вопрос. – Вдруг? Не было денег, а тут раз – и человек на «Лексусе» начал ездить. Или курьеры из магазинов к нему в очередь выстраиваются.

– Такого не заметила, врать не стану, – поджала губы та. – Да и не бедная тут у меня публика собралась, дом-то монолитно-кирпичный, не социальное жилье какое, деньги у большинства жильцов водятся. Вон те же Мовсесьяны – они стоматологи из дорогой клиники. Или Федорович с четырнадцатого – он в банке служит, на хорошей должности, машина за ним утром приходит казенная.

– Стало быть, никто ничего такого не покупал, – задумчиво повторил Коля.

Плохо. Рвался у него логический ряд, который он себе уже выстроил, а вместе с ним и предполагаемый психологический портрет разыскиваемого. Разыскиваемый дилетант, дорвавшийся до денег, просто обязан был их быстро тратить, иначе зачем так шустро клепать новые амулеты? Траты – читай, покупки. Машина, дорогая одежда, модные гаджеты.

А может, это не мужчина? Чего он заикнулся на этой версии? Только потому, что так Вика сказала? Она и ошибиться могла.

Ну а если это женщина, то многое может выглядеть совсем по-другому. Покупки останутся, их станет даже больше, но они изменят размер, поскольку бриллианты куда миниатюрней автомобилей. И самое главное – женщина такие вещи через интернет покупать не станет, ей нужен перформанс. Нет, она пойдет в большой дорогой магазин, чтобы там все потрогать, померить и дать окружающим понять, что ей здесь весь ассортимент скупить – как семечку щелкнуть.

Хотя... Тамара Васильевна такое бы не пропустила. Покупки в магазине превращаются в массу пакетов с броскими надписями. С другой стороны – может, это случилось не в ее смену.

– Не то чтобы никто и ничего, – тем временем вешала бабулька. – Вон квартирант из шестьдесят третьей квартиры себе самокат недавно купил. Электрический! Придумают же! Лень им уже ногой от асфальта оттолкнуться, подавай самокат на батарейках.

– Аккумуляторах, – поправила ее Мезенцева, которая давно хотела себе такой же. – Коль, если ты не в курсе, то хорошая модель не так и дешево стоит.

– А еще к нему женщины ходят. – Тамара Васильевна поджала губы. – Добро бы молодые, ровесницы его, а то ведь такие, что этому студенту в матери годятся! Что за времена! Что за нравы!

– О как, – мигом насторожился Нифонтов. – И часто ходят?

– Не каждый день, врать не буду, но случается, – покивала старушка. – На той неделе одна такая заявила. В шубе, серьги бриллиантовые в ушах качаются, пальцы все в перстнях. Тьфу, стыдоба! И главное – этот-то ведь глист глистом, чего они в нем находят? Сутулый, худющий, глядеть не на что. Разве что ниже пояса у него что-то совсем героическое, прости господи? Да вон он идет, самокатом своим гроыхает по полу. Сами поглядите!

И верно, молодой человек, проходящий мимо окон консьержки и говоривший по очень недешевому смартфону, на альфа-самца точно похож не был, полностью отвечая данному ему описанию.

– Очень дорогая модель самоката, – немедленно сообщила Нифонтову Женька. – Премиум, отвечаю. Я когда про нее читала, чуть слюной не захлебнулась. Две батареи, тринадцатидюймовые бескамерные шины, настраиваемая подвеска, и разгоняется он почти до сотни км в час.

– Любопытно, – проводил юношу взглядом оперативник. – Тамара Васильевна, а он давно в этот дом заселился? В смысле – квартиру снял?

– Месяца два как, – подумав, ответила старушка. – Или около того. Но уже после Нового года, это точно.

– Спасибо. – Коля приложил руку к сердцу. – Если бы все граждане отличались такой же активной гражданской позицией, как вы, то мы бы давно преступность победили. На каком этаже, стало быть, этот юноша живет?

– На четырнадцатом, – тут же ответила консьержка. – Никак задерживать его станете? Так он что – наркоман? Или чего похуже?

– Ведется оперативная разработка, – заговорщицким тоном произнес Нифонтов. – Так что никому ни слова, даже лучшим подругам. Дело государево, поймите правильно. Мы могли бы взять с вас подписку о неразглашении, но не станем, поскольку кому-кому, а вам доверяем полностью.

Старушка призадумалась. Ей очень не хотелось связываться с законом, но и поделиться увиденным страсть как было охота.

– Как зовут этого деятеля? – уточнил оперативник.

– Виктор, – отозвалась Тамара Васильевна. – А фамилия его – Пичугин.

– Спасибо, – снова поблагодарил ее Нифонтов. – Жень, пошли на улицу, перекурим и подумаем, что дальше делать.

По всему выходило, что этот сутулый тип и есть тот, кого они ищут, по крайней мере, внешне все сходилось. Более того – Коля был уверен в своей правоте. Но при этом он отлично понимал, что самокат, жилье с не самой дешевой арендной платой и визиты зрелых дам – это даже не косвенные улики, это вообще ни о чем. Мало ли откуда у человека деньги взялись? Так что послать их господин Пичугин мог запросто, потому что предъявить ему было нечего.

Нет, оставался силовой вариант разговора, который с огромной долей вероятности мог дать результат, благо парень явно был хлипковат по всем позициям и почти наверняка начал бы каяться после первого же удара в печень. Но Ровнин очень не любил подобные вещи, считая их самым последним аргументом, к которому прибегать надо только в крайних случаях, о чем не раз говорил сотрудникам. Правда, тетя Паша, когда слышала подобные душещипательные беседы, как-то очень странно, не сказать ехидно, улыбалась, поглядывая на начальника отдела, но чем это было вызвано, никогда никому не рассказывала.

Устраивать за этим дрищем слезку тоже не имело смысла. Может, следующая клиентка только через пару недель придет. И что, им тут сидеть, этого визита ждать? Нет, можно было бы Тамару свет Васильевну «зарядить», только вот она работает не каждый день, да и несерьезно это. Пока она позвонит, пока до этого дома по всем «пробкам» доедешь, клиентка десять раз уйти успеет.

– Прессануть его надо, – заявила Женька кровожадно. – Так что докуривай и пошли. Сразу с порога ему в солнечное сплетение зарядишь, а там и я подключусь.

– Мезенцева, тебя вообще ничего не смущает? – выдохнул дым оперативник. – Например, то, что мы с тобой сотрудники правоохранительных органов и должны действовать в пределах правового поля?

– У нас специфика, исходи из этого, – и не подумала смущаться девушка. – И вообще – кто на той неделе гуля в канализации прибил? Он хоть, конечно, и до того не совсем живой был, но обитал на территории Российской Федерации и являлся если не ее гражданином, то мигрантом как минимум. А ты ему голову ножом отчекрыжил, а после ее в отдел припер. Тут же речь идет всего лишь о нетрадиционном способе дознания, от которого, если что, даже следа не останется. По зубам там или в глаз бить глупо, а в пузюку – самое оно. Нет, если ты стремишься – пожалуйста, я сама могу ему зарядить. Так, может, даже и лучше, на парадоксе сработаем. Я бью, ты меня останавливаешь, клиент от такого разрыва шаблона точно сразу поплывет!

– У меня сейчас от тебя мозг взорвется, – признался Коля. – Кто тебе такой вообще диплом юриста выдал? Как тебя на работу взяли? Ты же живое воплощение хаоса, ты не должна была психолога пройти.

– Злой ты, Нифонтов, – на этот раз непритворно обиделась Мезенцева. – Мне, между прочим, вообще все равно, как это дело кончится. Оно тебе поручено, а я так, сбоку припека. Хочешь завалить поручение шефа и, возможно, взять на свою душу новые жертвы – валяй, не мешаю. Тебе потом без сна вертеться, не мне.

– Примитивно, – попенял ей Коля, отправляя окурочек в урну. – Меня на такие подначки в детстве сестрица ловила, было дело. Но лет до десяти, не дольше. Потом я понял, как это работает, и с тех пор на подобное не ведусь.

– Коль, я правда все понимаю, – примирительно заявила Женька. – У нас на этого глиста ничего нет – ни доказухи, ни улики, ни даже ордера на обыск. Но делать что-то надо, согласись? И теток жалко, тех, что облысели.

– Тебе – и жалко? – усмехнулся Нифонтов. – Вот уж не поверю. Да и не столько в тетках дело, подруга. Важно понять, при помощи чего он свои амулеты клекает, и каким образом заказчицам глаза отводит.

– Он доброй волей ничего не скажет, – уверенно заявила Мезенцева. – Я таких знаю, они если вдруг по чьему-то недосмотру получают золотую рыбку, то зубами за нее цепляются. Знают, что второго шанса им судьба не даст.

Умом Коля понимал, что Женька права. Ну да, от нее хлопот и шума пока больше, чем пользы, но здесь все было разложено по полкам абсолютно верно. Только вот имелось одно «но» – не вязались предлагаемые ей меры с мировоззрениями Нифонтова. Не потому, что он являлся буквоедом, который ни на шаг не отступает от инструкции, положения или закона, нет. Коля отлично осознавал, что писались все эти документы большей частью теоретиками, которые с реалиями улиц, подъездов и проходных дворов почти не сталкивались, а значит, жизни толком не знали. Слова – это только слова, жизнь в драке они тебе вряд ли сэкономят. Ну а если вспомнить о специализации отдела, в котором он служит, так и вовсе выходит, что грош им цена.

Вот только раньше в подобной ситуации ему оказываться не приходилось. В смысле – как старшему группы. Такие вопросы всегда решал Пал Палыч или Герман, да упокоится его душа в Свете. Он же просто шел туда, куда велено, и делал то, что положено. Нет, за прошедшие месяцы он успел поработать автономно, и в паре с Тициной, которая никогда на себя никакую ответственность брать не любила, но там тоже все было незамысловато – очумевший от крови гуль, девица, которая чуть не потеряла душу, заигравшись с со своим двойником из Зазеркалья, контроль за безумными скачками в Голосовом овраге после Нового Года, небольшой инцидент с вконец обнаглевшей ведьмой, которая под видом гадалки тянула годы жизни из своих клиенток. Правда, с последним все не так здорово получилось, поскольку ведьма, похоже, над ним просто издевалась, послушно со всем соглашаясь, стреляя глазками и через слово называя его «господин самый главный полицейский». Впрочем, салон госпожи Серафимии все же закрылся, так что дело так или иначе было сделано.

Но вот проникновения в жилище и вышибания признания от обычного человека не случилось. Он знал, что в таких случаях у него есть право отхода от стандартной процедуры, закрепленной законодательно, но все равно внутреннее «я» кричало, что так поступать неправильно. И самое главное – он боялся своим незнанием и неверными действиями подставить отдел, к которому за минувший год прикипел всей душой. Он для него, как и для всех остальных сотрудников, стал домом, а не местом работы. Дом же и семью принято беречь.

И ведь что примечательно – там, в отделе, все казалось несложным и понятным, а на деле все куда как непросто. Для него, Николая Нифонтова, непросто. Про Женьку тут разговора нет, у нее как раз никаких нравственных метаний не имеется. Вон цель, вот ствол, вперед и без раздумий.

Около подъезда тормознулась дорогая «иномарка», из которой выбралась грузная немолодая дама в песцовом манто.

– Не глуши мотор, – брюзгливо велела она водителю. – Я буквально на минуту, а после поедем в Манеж, на выставку.

– Да ладно, так не бывает! – Женька вдруг приобняла Колю, ее лицо приняло глуповатое выражение. – Но если да – удача на нашей стороне.

Женщина потыкала пальцем, украшенным золотым перстнем, в кнопки домофона, раздался курлыкающий сигнал, а следом за ним невнятное шипение.

– Я приехала, – недовольно сообщила дама в песцах. – Напомните, какой этаж?

Снова шипение, из которого оперативники, увы, ничего не разобрали.

Дверь пискнула, дама потянула ее на себя и шагнула в подъезд.

– Придержите, пожалуйста, – пискнула Женька, рванув за ней. – Спасибо!

Тамара Васильевна снова сидела на своем месте и несла службу, потому сразу же спросила у визитерши:

– Вы к кому?

– К кому надо! – удивленно вскинула густые брови вверх дама. Как видно, в сознание этой гражданки не очень укладывалась мысль о том, что кто-то куда-то ее может не пустить.

– Я при исполнении, – привстала с кресла консьержка. – У меня пост и регламент! Вы в какую квартиру, спрашиваю?

– В шестьдесят третью, – недовольно буркнула женщина. – Вот все же чуть в сторону от центра отъедешь – и одно хамство вокруг!

Она разве что только не плюнула, и потопала к лифту.

– Теть Тамара, привет, – колокольчиком прозвенела Женька, обнимая Колю за талию, и одновременно с этим подмигивая консьержке. – Моих дома нет?

– Нет, деточка, нет. – Тамара Васильевна все поняла правильно и подмигнула в ответ. – А этот мальчик с тобой?

– Ага! – серебристо рассмеялась девушка. – Ой, лифт пришел.

Дама в песках явно была не восторге от их компании, но при этом на реплику Мезенцевой: «о, и мы на четырнадцатый» отреагировала вполне индифферентно, как, впрочем, и на то, что Женька немедленно полезла к Коле с объятьями и чуть ли не поцелуями, следуя догмам классической русской театральной школы. Похоже, что она была поклонницей Станиславского, потому максимально вживалась в роль.

– Сначала закажем пиццу, а пока ее будут везти, мы с тобой... – игриво щебетала Мезенцева. – Да? Да?

– Пепперони, – солидно пробасил Коля. – Двойную. Две! А что до остального – я всегда готов, ты же знаешь!

– У, ты мой Ванька-встанька! – хихикнула Женька и ткнула пальцем ему в нос.

Их спутница чуть кривила губы, слушая все это, но молчала, глядя перед собой.

Лифт раздвинул двери, дама вышла на лестничную площадку, повертела головой и двинулась налево, молодые люди, последовали за ней, причем Женька на ходу начала рыться в кармане, изображая поиск ключей.

Дверь в шестьдесят третью квартиру открылась сразу же после звонка, на пороге стоял уже знакомый оперативникам сутулый юноша, правда, теперь одетый в бесформенный пестрый халат.

– Давайте, – без всяких приветствий обратилась к нему дама, одновременно с этим протягивая плотный конверт. – Вот деньги!

– Может, пройдете внутрь? – неуверенно осведомился тот, глядя на Мезенцеву, звеневшую ключами, которые, разумеется, никак не могли открыть шестьдесят четвертую квартиру. – Чтобы...

– Я опаздываю, – раздраженно ответила ему женщина. – Через час открытие выставки Пуэбло Костариды в Манеже, и у меня нет ни малейшего желания пропустить данное мероприятие. Давайте!

Юноша глянул на Женьку, которая пыталась вставить ключ в замок, и в этот момент Коля подумал о том, что все они сделали неверно. Что если этот дрищ знает в лицо своих новых соседей, сообщит, что дело неладно, и сейчас просто захлопнет дверь?

Но – обошлось. Сутулый сунул руку в карман, а когда он ее извлек обратно, в ней поблескивал золотой овал кулона, нанизанный на тонкую витую цепочку.

Глава третья

Артефактор

– Держите. – Парень протянул украшение женщине, одновременно с этим цепко ухватив конверт.

– Вот и славно! – радостно сообщила парочке Мезенцева, разворачиваясь и наставляя на них моментально вынутый из наплечной кобуры пистолет. – Московская полиция! Стоять на месте, не двигаться!

Коля только поморщился, с некоторого времени он перестал любить подобные театральные эффекты. Мало того – он свой табельный «макаров» теперь редко доставал из сейфа, больше доверяя ножу с серебряным лезвием. Только сейчас он в полной мере оценил, насколько забавно раньше выглядел в глазах своих старших коллег, всюду таскаясь с пистолетом.

– Чего? – совершенно не испугалась и не смутилась дама в песках. Скорее, она крайне удивилась происходящему. – Что значит – стоять и не двигаться? Вы вообще знаете, кто я такая? И кто мой муж?

Но при этом кулон она не взяла, а конверт из рук выпустила.

– Нет, – равнодушно ответил ей Нифонтов, придерживая ногой дверь, которую неуверенно попытался дернуть на себя неудачливый продавец. – Но нам, признаться, все равно.

– Фамилию свою назови, – потребовала дама напористо. – И ты тоже! Я вам устрою!

– А мне кажется, все выйдет в точности наоборот, – усмехнулся оперативник. – Вы застряли в прошлом, мадам. Лет двадцать назад устроили бы, не сомневаюсь, но в наше время социальных сетей непосредственно у вас проблем будет куда больше.

– Ты дурак? – хлопнула накладными ресницами женщина. – Ты что мелешь? Да мой муж тебя в порошок сотрет. Он с вашим министром...

– Жень, вызывай группу, – бросил Коля. – Составим протокол, заодно и фамилию этой гражданки узнаем. И мужа ее, соответственно, тоже. А вот дальше...

– Ну-ну, – подбодрила его подбоченившаяся дама. – Мне прямо интересно стало.

– А дальше все будет просто. – Нифонтов ласково ей улыбнулся. – Часика через три в соцсетях, причем не в одной, а в разных, появится пост о том, как жена высокопоставленного чиновника была задержана полицией при покупке чего-то там. Чего именно – указано не будет, но все ведь взрослые люди, смекнут, что речь идет о наркоте. А еще там будет написано, что при задержании она сопротивлялась, кричала и угрожала сотрудникам полиции, причем из сказанного следовало, что в руках ее супруга сосредоточена вся власть в стране, и ни один полицейский не смеет задерживать жену будущего президента. Дескать – есть люди и есть она, что запрещено нищобрдам в виде всего населения России, то разрешено ей, элите из элит.

– Бред! – фыркнула женщина, но при этом как-то посмурнела.

– Бред, – согласился оперативник. – Но он сработает, поверьте. Вы же знаете, как сейчас относятся к подобным вещам? Чиновник чуть что не то сказал на камеру – и все, он уже в отставке, разумеется, по собственному желанию. Потом, конечно, им местечко находят, но уже куда невзрачнее, непригляднее. А про дальнейший карьерный рост вообще упоминать не стоит. Все, они отработанный материал. Вопрос – что с вами сделает супруг после этого? Потерять местечко у кормушки – это, знаете ли... Простите, оговорился, – в органах государственной власти, разумеется.

– Думаю, он тебя на улицу в одних труселях вышвырнет, потому что все его многолетние труды твоими стараниями пошли псу под хвост, – бойко подсказала ему Женька, которая тоже заметила «говорящие» номера на машине, привезшей сюда эту даму, и сделала нужные

выводы. – А после заведет себе бабенку помоложе. Точнее – узаконит с ней отношения, завел-то он ее небось давно.

– Заткнись! – рявкнула женщина, сузив глаза. – Не тебе об этом судить.

– У нас нет к вам вопросов, – мягко произнес Нифонтов, костеря про себя в душе Мезенцеву и ее длинный язык. – Забирайте деньги и уходите. Мы вас не видели. Вас тут просто не было.

– Эй, приятель, отдай денежку тетеньке, – мотнула стволом пистолета Женя. – Давай, давай, чего вцепился!

Окончательно сомлевший паренек подчинился приказу, женщина выхватила у него из рук конверт и шустро сунула его в свою сумочку.

– Вы свободны, – прощально помахал ей ладонью Коля. – Всего доброго!

Дама окинула его недобрый взглядом с головы до ног, но ничего говорить не стала, просто развернулась и пошла к лифту.

– Одну секунду, мадам, – остановил ее оперативник. – Буквально секунду, обещаю.

Чиновная особа остановилась, но даже не подумала повернуться.

– Прощальный добрый совет – никогда больше не пытайтесь купить предметы, подобные тому, что сейчас держит вот этот очень глупый юноша. Не следует лезть в те сферы, которые лежат вне вашего понимания просто потому, что вы даже не представляете, сколько после за это придется заплатить. Причем я сейчас не о деньгах речь веду, а о кое-чем другом.

– Вернее – бред несешь, – отозвалась дама. – Какие-то сферы, какая-то плата...

– Для справки – не далее как сегодня я общался с одной из предыдущих клиенток вот этого доморощенного Мерлина. Она очень хотела насолить кое-кому из своих заклятых подруг, и ей удалось задуманное. Вот только структура подобных вещей такова, что сделанное зло всегда возвращается к тому, кто его наслал на ближнего своего. Нет, есть сущности, которые этого могут избежать, но вы точно в их число не входите. Так вот, к чему я – если моя нынешняя собеседница дотянет до конца года, то я буду очень, очень удивлен. А ей при том всего тридцать два года. Было. Сейчас на вид лет семьдесят. При этом каждый новый день забирает у нее еще год жизни, и приносит новые болячки. Надеюсь, вы меня услышали.

Ответа не последовало, дама поддернула свое манто и снова зашагала к лифту.

– Еще один вопрос, – внезапно произнесла Мезенцева. – Кто такой Пуэбло Костарида?

– Художник из Чили, – вжав кнопку вызова, ответила ей супруга государственного деятеля. – Прогрессивный и гениальный.

Створки лифта со скрежетом растворились, дама шагнула в его чрево и покинула маленькую, но дружную компанию, собравшуюся на тринадцатом этаже.

– Спорим, она хотела любовницу своего мужа угробить? – азартно предложила Коле Мезенцева. – Видел, как она взвилась, когда я ту упомянула?

– Отрезать бы тебе язык, – вздохнул Нифонтов и обратился к так и стоящему соляным столпом юноше: – Ну что, болезный, пошли в закрома?

– А вы правду сказали? – вдруг спросил тот.

– В смысле? – не понял оперативник. – Ты про то, что моей напарнице неплохо бы оральное обрезание сделать? Нет, ни словом не соврал.

– Про женщину, – пояснил Виктор. – Ту, что постарела и скоро умрет.

– Тоже правда, – сурово подтвердил Коля. – Чистейшая. И ее скорая смерть твоих рук дело, приятель. Придется отвечать.

– И не только за нее, имей в виду, – добавила Мезенцева, наконец-то опуская пистолет. – Остальных своих клиенток тоже ты угробил.

Молодой человек пару раз громко икнул, побледнел, потом булькнул горлом и поднес ладонь ко рту.

– Да он, по ходу, блевать собрался! – удивлено вытаращила глаза Женя. – Во дает!

– Беги в туалет, – разрешил Виктору Коля. – Мы тебя в комнате подождем. Только цепку прежде давай сюда.

Сутулый спешно выполнил приказ, опустив кулон в подставленный ему оперативником холщовый мешочек, на котором были нарисованы непонятные символы, и, хлопая по полу домашними шлепками, помчался в отхожее место.

– Ну чего, пакуем его – и к Ровнину? – уточнила Мезенцева, входя в квартиру. – Тем более что клиент, похоже, особо сопротивляться не собирается.

– Нет, – поразмыслив пару секунд, покачал головой Коля. – Это он сейчас плюшевый, потому что не ожидал такого поворота событий. А в машине он в себя придет и начнет сообщать, что говорить можно, а что не стоит. Так что здесь и сейчас первый допрос снимем, в общих чертах все узнаем. Ну а потом пусть его Ровнин крутит на предмет деталей. Можно, конечно, его еще на «чистуху» раскрутить, но она нам не сильно и... Жень, вот ты чего сейчас делаешь?

– Ну классная же штука! – выдохнула Мезенцева, уже успевшая вцепиться в самокат. – Коль, он получил это имущество преступным путем, верно? Значит, никаких прав на него не имеет.

– Как и ты, – устало сообщил ей Нифонтов. – Вы оба в пролете.

– Я бы на нем на работу ездила, – вкрадчиво произнесла Евгения. – Опаздывать перестала.

– Ты бы с ним до работы вообще не доезжала, – возразил ей Коля. – И вообще – вы в своем уме оба? Зима на дворе!

– Уже весна, – поправила его девушка. – И поверь, на таких шинах можно по вечной мерзлоте рассекать. Говорю же – это самокат мечты!

Из туалета донесся мучительный стон, колдуну-неудачнику, похоже, было очень плохо.

– Эк его крутит, – даже пожалел его оперативник и вошел в комнату. – Ну вот, теперь, похоже, ясно, куда остальные деньги ушли. Н-да, иные люди до седых волос из подросткового возраста не выходят.

В единственной комнате съемной квартиры обнаружилась новенькая электрогитара «Gibson», ноутбук из тех, что в магазинах проходят под лейблом «премиум-класс», здоровенный телевизор, коробка от которого была прислонена к стене, и даже не распакованный «xbox», с целой стопкой дисков и кучей каких-то приспособлений для увеличения комфорта от игрового процесса. То есть – реализовал человек свои детские мечты, что хотел – то получил.

– Спорим, он еще и проститутку к себе успел несколько раз вызвать? – Женька хихикнула. – Причем недешевых, уж поверь. Дорвался пожизненный задрот до халявы.

– Вот у него тормоза и сорвало, – согласился с ней Нифонтов. – Правильно я все прикинул – запросы росли, а денег не хватало.

– Деньги? – в комнату вошел Виктор, бледный до невозможности, похоже, он услышал самый конец фразы. – Их почти не осталось.

– Оно понятно. – Мезенцева с уважением глянула на телевизор. – На моей малой родине всего три кинотеатра есть, так в любом из них экраны меньше, чем у этой бандуры. Представляю себе ее цену.

– Не так и дорого. – Юноша сел на краешек дивана. – Гитара, например, намного дороже.

– Да какая разница? – Нифонтов смахнул со стула диски с играми для приставки и уселся на него верхом. – За это все ты заплатил не деньгами, а чужой кровью, уж прости за пафосность.

– Я не думал, что все так получится, – забормотал Виктор. – Там же ни слова про это не сказано было. Ни единого словечка.

– «Там» – где? – мигом подобрался оперативник. – Поподробнее, пожалуйста.

– Здесь. – Виктор встал, подошел к столу, приподнял ноутбук и достал из-под него несколько больших листов, исписанных мелким почерком. – Вот, смотрите. Тут описан техно-

логический процесс, но про последствия ни слова. Я и предположить не мог, что те предметы, которые я сделал, могут привести к чьей-то смерти. Тут сказано – «малый вред». Малый!

– Да все ты понимал, – жестко произнесла Мезенцева. – Предположить он не мог... «Бабок» тебе хотелось неимоверно, вот ты себя и убедил в том, что это просто забава. Тоже мне...

Коля забрал у бормочущего что-то в свое оправдание парня бумаги, велел спорщикам заткнуться, и углубился в чтение.

И после первых же прочитанных, вернее, с трудом разобранных слов понял, что дело, похоже, приобретает совсем скверный оборот. Почему? Потому что это явно были фрагменты колдовской книги, причем некогда принадлежавшей большому специалисту своего дела. Правда, уже покинувшему этот мир, поскольку содержимое записей явно датировалось не сегодняшним днем, и дело было не только в «ятях» и «ижицах». Заголовки записей Коля кое-как сумел разобрать, а все остальное даже изучать не стал.

«Как наложить на предмет чары, помогающие сотворить малый вред недоброжелателю своему».

«Как заставить человека поверить в то, что тебе нужно, на краткий срок».

«Как заставить дитя дом родной покинуть и навеки дорогу к нему забыть».

«О том, как лишить человека рассудка на малое время при помощи видений и снов».

Елки-палки, такие вещи надо за семью замками хранить. И неважно, что большинство из описываемых вещей обычному человеку сотворить будет не под силу, поскольку они требуют как крайне редких компонентов, так еще и довольно специфических знаний, это ничего не меняет. Тем более что вот этот красавец как-то смог своего добиться?

Вот, кстати, тоже вопрос. Как?

– Начнем с самого начала. – Коля тряхнул листами. – Ты где это взял?

– У Вероники на даче, – пробубнил Виктор. – Мы к ней осенью ездили, день рождения там отмечали.

– Мы? – фыркнула Женька – Не льсти себе. Уверен, что ездили не «мы», а «они», а тебя прихватили за компанию, да и то потому, что ты сам напросился.

– Заткнись, пожалуйста! – рявкнул, не выдержав, Нифонтов. – Иди вон на самокате по коридору покатайся.

– Молчу, – поняв, что напарник, похоже, дошел до точки кипения, пообещала Мезенцева.

– Итак. – Коля тяжело глянул на Виктора. – Дача, это я понял. Но что там делали подобные документы?

– На чердаке лежали, – пояснил юноша. – С давних времен. Этой даче лет, наверное, восемьдесят, или около того. Ее еще при Сталине строили. Вероникин прадед каким-то важным чином в старые времена был, и дед ее тоже.

– Что никак не проясняет сути момента.

– Да я и сам не знаю, что тут к чему, – вздохнул Виктор. – Мы просто залезли на чердак, Вероника сказала, что там есть настоящий самовар, тот, который с трубой, как в кино. Мы за ним забрались, но там же темно, вот мы шкаф с Серегой и кувыркнули, а в нем книги старые. С нами еще Митя Розов приехал, он на этом деле повернутый. Библиофил, понимаете? Он как узнал, что там букинистики полно, сразу на все плюнул и на чердак полез с фонарем, изучать, что там есть. В том числе и эту книгу откопал.

– Книгу? – обреченно повторил Нифонтов. – Целую книгу?

– Ну да, – подтвердил юноша. – Вот такой толщины. Олег сказал, что ей лет двести, если не больше. Но тут вот какая штука...

– Какая? – предвидя еще одну неприятность, поторопил его Коля. Плохие новости лучше узнавать сразу.

– Она тогда пустая была, – зачем-то вжал голову в плечи Виктор. – Совсем. Просто чистые листы в кожаном переплете, – и все. Красивые, желтые, старые... Ну вы сами видите. Но текста на них не было вообще никакого.

– Забавно, – проникся оперативник. – Ну и? Как так вышло, что теперь от книги остались одни обрывки, зато с текстом?

– Мы ее поделили, – как о чем-то обыденном, сообщил собеседнику юноша. – Разодрали на части. Оригинально же – старая бумага, мало ли как ее можно использовать, верно? Например, как в средние века, написать послание прекрасной даме.

Мезенцева хихикнула, глядя на прыщавое лицо Виктора, но говорить ничего не стала.

– Зашибись, – прикрыл глаза ладонью Коля. – Они разодрали на сувениры магическую книгу. Что дальше?

– А потом на листах появились надписи, – пояснил юноша. – Уже зимой, в декабре. Я случайно на них наткнулся, смотрю – а они не пустые уже. Почитал, что написано, – бред полный, даже не смешно.

– Но ведь поверил в результате в него?

– Поверил, – кивнул Виктор. – Не сразу, но поверил. Вернее, мне помогли поверить.

– Слушай, нам из тебя каждое слово клещами тянуть? – не выдержала Женька. – Что за ерунда? Ты на кого учишься?

– На учителя географии и английского языка, – испуганно пробормотал юноша. – А что?

– То, – зло отозвалась Мезенцева. – Паузы выдаешь мхатовские, будто тебя хорошие педагоги в театральном этому учили.

– Я заболел просто, делать было нечего, вот и начал эти бумажки изучать, – затараторил Виктор. – А там столько незнакомых слов, ужас просто! Потом я нашел один сайт, связанный с колдовством и магией. А там форум обнаружил, очень полезный в плане информации. Только все равно не все нашел, что хотел, и тогда написал пост, мол, помогите нубу, объясните, что к чему. В основном меня троллили, но не все. Например, Алла Витальевна очень помогла, она в этом всем хорошо разбирается.

Оперативники переглянулись, прекрасно поняв друг друга. Нет, никакой Аллы Витальевны они знать не знали, но сразу сообразили, что этот дурачок, похоже, еще и с ведьмой связался. Это племя отлично освоилось в сегодняшних реалиях и охотно ловило вот таких простаков в сетях всемирной паутины.

– Мы с ней даже встречались несколько раз, она бабулька совсем, но такая прямо «зажигалка»! В хорошем смысле, разумеется. Она мне многое растолковала, объяснила, как что делать, кое-какие ингредиенты подарила, такое ведь в магазине не купишь.

– Ай, добрая какая! – прижала ладошки к щекам Женька. – Прямо не человек, а большое пульсирующее сердце. Жаль, жаль, что мне такие самаритяне на жизненном пути не встречались.

– Не повезло вам, – без тени иронии отозвался Виктор. – Сочувствую. Я ей, кстати, предлагал деньги, когда со мной за первый амулет рассчитались, но она отказалась, хотя имела полное право на свою долю. Первых клиенток мне тоже она присылала, где бы я сам их нашел? Потом, правда, «сарафанное радио» включилось.

– Ох, и дурак ты, приятель, – не выдержал Коля. – Ну и дурак...

А ведьма, что его на крючок поддела, – молодец. Она с тех клиенток такой навар сняла, что этому идиоту и не снилось, причем наверняка не только деньгами, причем ничего своими руками не делая и потому ничем не рискуя. Ей же даже предъявить нечего, она просто помогла мальчику продавать ценности, исключительно по доброте душевной. А какие уж, с какой начинкой – ей неведомо. И все, с нее взятки гладки.

– Хотя она несколько листов у меня забрала, – даже не обратив внимания на реплику Нифонтова, продолжил бубнить Виктор, кивком указав на бумаги, что так и держал в руках

оперативник. – Сказала, что в такие дебри не то, что мне, но и ей самой лезть не имеет смысла, но для ее коллекции это самое то. Просто она собирает старинные манускрипты подобного толка. Там и в самом деле что-то невнятное было написано, вроде «Перековка небесного металла» или «О том, как Индрик-зверя изловить и на службу к себе поставить». Ну ведь чушь же несусветная, согласитесь? Индрик-зверь! Я погуглил, кто это такой, долго смеялся. Даже в свете происходящего все равно ерунда полная выходит.

– Отдал, стало быть? – уточнил Коля.

– Отдал, – подтвердил юноша. – Правда, не все, как она хотела, а только часть, сказал ей, что остальное водой залил случайно и выбросил. Просто жалко стало как-то, все-таки это немалая ценность, наверное, дорого стоит. А что теперь со мной будет?

– Могу сказать, чего не будет, – отозвалась Женя. – Вкусной еды, игр на приставке, прогулок на самокате и ласк женщин с пониженной социальной ответственностью. Это все переходит в раздел воспоминаний.

Прозвучало красиво, но на деле, конечно, ничего такого парнишке не светило. Доказать то, что он на самом деле причастен к бедам пострадавших женщин, возможным не представлялось просто в силу того, что законодательно вред, причиняемый людям посредством порчи или сглаза, не предусмотрен. Нет такой статьи ни в одном кодексе. И если бы сутулый вредитель был духом покрепче и соображал пошустрее, то быстро бы до этого додумался.

– Пиши список, – велел Виктору Нифонтов. – Всех, кто тогда книгу дербанил, с именами, фамилиями, телефонами и адресами.

– Адресами? – озадачился юноша.

– Если знаешь, – поправился оперативник. – Но имена и телефоны – обязательно. И Аллы Витальевны данные укажи.

– У нее телефон уже неделю как отключен, – садясь за стол, сообщил Виктор. – Абонент не абонит. У меня кое-какие ингредиенты заканчиваются, хотел их у нее попросить или купить. И в сети она не появляется. Я даже волноваться начал – человек-то немолодой, не случилось ли чего? Можно было бы съездить, но куда – я не знаю.

– И не появится, – заверил его Коля. – Даже не сомневайся.

– Почему? – удивился юноша.

– Потому что она сильно умная, – пояснил оперативник. – Что хотела – то получила, а на тебя ей плевать, потому что твои проблемы не ее головная боль. Пиши давай!

Он видел, что стресс у задержанного идет на спад, и скоро он задаст себе вопрос: «А не дурак ли я?», сам же даст на него положительный ответ, после чего непременно пойдет в отказ. Неумело, напролом, но пойдет. Разумеется, у него ничего путного из этого не получится, но информацию получить станет куда труднее, а она ох как нужна.

– А обложку от книги кто забрал? – спросила Женька, проводя пальчиком по струнам гитары.

– Ее себе Вероника оставила, – чиркая ручкой по бумаге, отозвался Виктор. – Девушка, можно вас попросить – не трогайте инструмент, не надо.

Все вышло так, как Коля и предполагал – в тот момент, когда молодой человек отдавал ему список, в его глазах уже ясно просматривалось сомнение в том, что он поступает правильно.

– Что ж вас столько было-то? – недовольно вздохнул Коля, глянув на листок. – Замучаешься теперь концы искать.

– Да половина, небось, повыкидывала эти обрывки, – предположила Мезенцева. – Как домой приехала, так сразу в ведро мусорное и отправила. Там это вроде как по приколу было, а по трезвяку поняли, что хлам он и есть хлам.

– Хорошо, если так. – Коля сложил листок и убрал его в карман. – А может, и наоборот – плохо. Шеф точно скажет, какое из этих двух мнение верное. Ну что, мастер-артефактор, одевайся и поехали. Кстати – заготовки какие еще остались? Если да – надо сдать.

– Одна была – вы ее забрали, – глухо произнес Виктор. – А куда едем? Мне там адвоката предоставят?

– Конечно же, – похлопала его по плечу Мезенцева. – Как без него? Мы же в правовом поле работаем.

Коля глянул на уверенную в себе девушку и как-то даже ей позавидовал. Непосредственно он в этот момент ничего подобного не испытывал, напротив, снова ощутил, насколько зыбки их позиции. Вот упрись сейчас этот паршивец рогом – и что тогда делать? Надевать на него наручники и волоком в машину тащить? Не лучший вариант, потому что шумный, может привлечь внимание нежелательных свидетелей. А свидетели первым делом все на смартфон заснимут и в сеть выложат, с хештегом «полицейныезвери». И тогда не жена государственного деятеля под удар попадет, а отдел. Первую не жалко ни разу, потому что от нее толку никакого людям нет, а вот отдел является той границей, которая людей от Ночи защищает. Да – не всех, возможно – не всегда, но что может – то делает.

Опыт – вот чего ему так не хватало. Кабы еще бы годик около Пал Палыча и Германа потереться, посмотреть на то, как они работают... Вот только не судьба. Законы отдела просты – раз нож выдали, то все, крутись сам.

Но – обошлось. Виктор и до машины дошел безропотно, и в ней вел себя прилично, единственная накладка вышла из-за неугомонной Женьки, которая все же попыталась присвоить себе так глянувшийся ей самокат, попробовав прихватить его как вещественное доказательство. Причем совершенно непонятно, чего именно.

– Жди, – усадил Коля неудачливого чародея на громоздкий стул с вычурной резной спинкой, с незапамятных времен стоявший на первом этаже здания, а сам направился наверх.

– Долго? – донесся до него унылый голос Виктора.

– Сколько надо, – взяла на себя роль его собеседницы Мезенцева. – Тебе теперь спешить один хрен некуда.

Ровнин, слава богу, оказался на месте, он изучал свежую прессу, попивая ароматный чай, который Аникушка ему всегда собственноручно заваривал. Или собственноручно?

– Ну, как съездил? – благодушно спросил руководитель отдела у сотрудника. – Сцапал злодея?

– Да какой он злодей? – отмахнулся оперативник. – Балбес, да и только. Как вы и говорили, так и вышло. Этот дятел умудрился добыть колдовскую книгу, вернее, ее фрагменты, а после еще и с ведьмой на этой почве сошелся. Та, само собой, свою выгоду соблюла, а этого дурачка подставила по полной.

– Ведьмы – они такие, мимо рта ложку не пронесут, – покивал Олег Георгиевич. – Фрагменты, о которых речь шла, изъял?

– Само собой, – с достоинством ответил Нифонтов, а после протянул ему листы. – Вот они. Правда...

– Погоди, – остановил его Ровнин, внимательно рассматривая добычу своего сотрудника. – Не части.

На лбу начальника отдела появилась четко очерченная морщинка, говорящая о том, что он немного озадачен. Эту приметку знали все сотрудники, потому Коля начал испытывать некое волнение, схожее с тем, что испытывает ученик, пытаясь распознать по лицу учителя то, насколько верно он сейчас у доски отвечал. Может, он чего не так сделал? Или неверно оценил ситуацию.

– Это не колдовская книга, – наконец продолжил разговор Олег Георгиевич. – Вот такие пироги, друг мой Колька.

– А какая же? – озадачился тот.

– Ведьмачья. – Ровнин хлопнул в ладоши. – Аникушка, будь любезен, попроси Павлу Никитичну ко мне заглянуть.

В дальнем углу кабинета что-то зашуршало, а после послышался топот маленьких ножек. Отдельский домовый по традиции обитал именно здесь, в том месте, которое являлось сердцем этого здания.

– Интересное все же у тети Паши имя. – Коля плюхнулся на стул. – «Павла». Сейчас так детей не называют.

– Не скажи, – возразил ему Ровнин. – У меня друзья недавно сына Герасимом назвали.

– Намучается парень, – со знанием дела констатировал Нифонтов. – Но могло быть и хуже. Например, его Эрастом могли назвать.

Тетя Паша вошла в кабинет, как обычно, без стука, недовольно глянула на покрытые белыми разводами ботинки Коли и уселась напротив него.

– Глянь, Павла Никитична, какую красоту Николай приволок. – Ровнин протянул ей листки. – Я такое в первый раз вижу.

– Ведьмачьи записи, – только глянув на текст, заявила уборщица. – Старые, века шестнадцатого-семнадцатого. Только почему в таком виде? И остальное все где?

– То-то и оно, – развел руки в стороны Олег Георгиевич. – Чем богаты. И, чтобы два раза Коле одно и то же не рассказывать, я сразу попросил тебя позвать.

– Излагай, – требовательно глянула на оперативника старушка. – Четко, ясно и подробно.

– Ну если что, первоисточник внизу сидит, – потыкал пальцем в пол Нифонтов. – Я его с собой привез.

– Молодец, – похвалил его Ровнин. – Как и было велено. Но сначала мы все же тебя хотим послушать.

Коля между тем успокоился, поскольку в ситуации появилась ясность. Ну да, книга, как оказалось, принадлежала не колдуну, а ведьмаку, но разницы особой он в этом не видел. В его понимании одни от других не так далеко и ушли, разве что ведьмаков на белом свете водилось куда меньше. Непосредственно он, например, ни одного еще не встречал. Ну и гадостей они, конечно, творили куда меньше, поскольку жили по принципу: «ты меня не трожь, и я тебя не трону».

– Галиматья получается, – подытожила тетя Паша, дослушав рассказ Нифонтова. – Не сходятся концы с концами.

– Почему? – живо поинтересовался Коля.

– Потому, – и не подумала что-то объяснить уборщица, снова поднеся к глазам добытые оперативником документы.

– Видишь ли, ведьмачьи книги обладают одним любопытным свойством, – взял на себя обязанности просветителя Ровнин. – Их почти невозможно уничтожить. Они не горят, не тонут, не гниют, и уж точно не получится раздербанить их по листочку.

– В самом деле? – Коля глянул на тетю Пашу, та, не отрывая взгляда от текста, кивнула.

– Само собой, что в мире не существует ничего вечного, – продолжил Олег Георгиевич. – Все раньше или позже станет тленом, но применительно к ведьмачьим книгам это правило работает с определенными исключениями, причем либо временными, либо чародейскими. Проще говоря – чтобы ее уничтожить, нужны либо четко определенные условия, либо надлежащий ритуал с употреблением очень и очень сложных заклятий. Но у меня вызывает серьезные сомнения тот факт, что компания нетрезвых молодых людей способна на что-то подобное.

– И вот тут начинается та самая галиматья, о которой я уже сказала, – подала голос тетя Паша. – Олег, тут вопросов больше, чем ответов. Пятью пять лет – это раз.

– Слуга и нож – это два, – согласился Ровнин. – Хотя нож, конечно, не главное, но слуга? Он почему этой компании не помешал?

– Я ничего не понимаю, – жалобно проныл Нифонтов.

– Потому что надо не в грязных ботинках по чистым полам бегать, а архивные записи изучать, – сурово заявила тетя Паша.

– Согласен, – поддержал ее Ровнин. – Но – ладно, на этот раз объясню. Видишь ли, любой ведьмак имеет три предмета, которые сопутствуют ему на протяжении всей жизни. Первый – это книга, в которой он черпает мудрость, накопленную его предшественниками, а после ее же приумножает, второй – нож, в котором заключена часть его силы, а третий – слуга, который, разумеется, не совсем и предмет, но тем не менее. Причем все это после смерти ведьмака переходит к тому, кто унаследует его силу. Про нее-то ты, надеюсь, в курсе?

– Пал Палыч рассказывал, – подтвердил Коля. – А если никто не унаследует?

– Тогда по истечении срока, составляющего пятью пять лет, книга превратится в пыль, нож в ржавую труху, а слуга просто исчезнет, будто его и не было вовсе. Но вообще подобное нонсенс, сила не может исчезнуть в никуда, если только ее не выжечь насильственным путем. Я, по крайней мере, о подобном не слышал. И потому раньше или позже слуга отыщет своего нового хозяина, а после приведет того туда, где его ждут нож и книга. Хитростью ли, обманом, или еще как – но он это сделает.

– А тут все поставлено с ног на голову. – Тетя Паша досадливо поморщилась. – Вырываются листы, которые вырвать невозможно, слуги, который должен книгу охранять как зеницу ока, вовсе нет. Ахинея, да и только!

– Так может ведьмак погиб, и слуга его погиб, – предположил Коля. – Вот и все. Передать книгу и силу было некому, а двадцать пять лет не прошло еще.

– Записи, – потрясла листками уборщица. – Записи видны, это возможно только в том случае, если владелец данной книги жив. Старый, новый – без разницы. А если он жив, то эта книга у него должна быть, а не валяться где попало, и слуга обязан находиться где-то рядом.

– В отношении слуги – возможны исключения, – тихо заметил Ровнин.

– Возможны, – согласилась тетя Паша. – Но и это не главное. Вопрос в другом – как удалось ее на части раскроить? Вот что я не могу понять.

– Забыл, – смутился Колька. – Ну насчет записей. Они не сразу появились, не в тот день, когда книгу разодрали, а позже.

Тетя Паша и Ровнин переглянулись.

– Очень все это странно, Олег, – наконец сказала старушка. – Странно, если не сказать хуже.

– Этот Виктор мне список участников вечеринки составил, – сообщил коллегам Коля. – Может, я завтра попробую их обзвонить насчет других фрагментов книги?

– Завтра? – нахмурился Ровнин. – Почему завтра? Сегодня. Сейчас. И скажи, чтобы ко мне привели этого... Как его... Виктора. Пора с ним пообщаться.

Глава четвертая

Старое капище (начало)

Чем кончилось дело с недотепой Пичугиным, Коля так и не узнал. Просто в тот же день Ровнин сообщил ему, что дальше этим делом будет заниматься Пал Палыч, после чего парень выбросил из головы все, что связано с данным вопросом. Нравы в отделе были простые, на «твое-мое» дела не делили, с иными вообще всем коллективом разбирались, но если шеф говорил, что куда-то совать свой нос не следует, то этот приказ выполняли сразу. Значит, есть у него на то свои резоны, а какие именно – ему виднее.

Потому Коля выслушал Олега Георгиевича, послушно кивнул и занялся очередной напастью, свалившейся на его голову, а именно поисками странного гостя столицы, который лихо обирал зажиточных одиноких женщин, причем так, что те после в себя прийти не могли, в самом прямом смысле. Они пребывали в состоянии сна, и добудиться их ни родные, ни близкие, ни медики, ни даже Виктория не смогли. То ли этот герой-любовник гипнозом владел очень хорошо, то ли, что вероятнее, использовал чары сна, что куда хуже. В любом случае найти его следовало, потому что кроме него разбудить пострадавших, похоже, никто не мог. По крайней мере так сказала Вика, которая, кстати, тоже очень жаждала с ним увидеться. Разумеется, не из романтических побуждений, а строго из практических, интересно ей было, что же это за чары такие и каким образом неизвестный их использует.

Следом за этим делом, к слову, удачно раскрытым, на многострадальные Колины плечи тут же обрушилось очередное правонарушение, на этот раз со смертоубийством. Для окончательного раскрытия сего злодеяния в результате ему аж в Смоленск пришлось смотаться на три дня, где он, не успев толком перевести дух, влип в еще одну странную и страшную историю, связанную с кладом Наполеона, который, как известно, давным-давно ищут, но найти не могут. Коля в данном деле тоже не преуспел, но зато у него на память о Смоленске осталась старинная французская здоровенная золотая монета и великолепный синяк под левым глазом. Синяк через несколько дней исчез, а монету Коля положил в шкатулку, где уже находились левый верхний клык первого убитого им упыря, покрытый патиной перстень с черным камнем и другие памятные пустяки. Само собой, что про тот мартовский день он и думать забыл.

К тому же в Москву наконец снова пришла весна, как всегда внезапная и яркая. Именно что яркая, другого слова к ней не подберешь. Когда небо вдруг меняет опостылевший серый цвет на голубой, когда солнце, о наличии которого ты за промозглый март попросту забыл, начинает слепить глаза, то мир начинает играть всеми красками, сердце бьется чаще, а кровь стучит в виски, отбивая ритмично «вес-на, вес-на».

Для Коли же весна была не просто словом. Это означало, что скоро он отправится в путь, пусть недалекий, но для него очень важный, и в этот раз точно отыщет небольшую деревеньку, затерянную в лесах неподалеку от Можайска. В лепешку разобьется, а отыщет. Зимой Людмила запретила ему туда соваться, причем с таким видом, что становилось ясно – она не дурит и не шутит, если ее не послушать, то обратно можно не вернуться. А про весну ничего говорено не было.

Вот об этом всем Коля и размышлял, стоя на крыльце дома, затягиваясь сигаретой и глядя на ручьи, в которые превращались стремительно тающие сугробы.

– Еще день-два – и все подсохнет, – сообщил ему Ровнин, выходя из дома. – Если только холода не вернутся.

– Да вроде не должны, – отозвался юноша. – С чего бы? Да и «Яндекс» ничего такого не обещает, а они вроде с погодой никогда не ошибаются.

– Вот и хорошо. – Олег Георгиевич раскурил свою трубку, обдав Колю ароматом чужестранного табака. – Особенно с учетом того, куда тебе надо завтра съездить будет.

– Куда это? – насторожился Коля. Он давным-давно усвоил, что Олег Георгиевич изда-лека заходит только в тех случаях, когда дело, что он собирается поручить сотруднику, точно ничего хорошего из себя не представляет.

– В область, Нифонтов, в область, – вздохнул начальник отдела. – Понятно, что там сейчас распутица и хляби невероятные, но больше мне командировать туда некого. Михеев кое-чем другим занимается, его отзывать с задания я не хочу, так что только ты и остаешься. А разобраться с происходящим надо непременно, поскольку давненько в тех краях ничего такого не происходило, лет восемьдесят уже, если не больше. Нет, в интернете то и дело страшилки про те места писали, но на деле это были только байки. А сегодня мне один знакомый позвонил, которому верить можно. Нет, вообще-то Кеша большой мастер приврать, но здесь он вряд ли заливает, больно голос был невеселый. Так что – стоняй и проверь. Со старыми проклятьями шутить нельзя, тут как с зубом, понимаешь ли. Чуть запустил – и получи вместо простой и незамысловатой пломбы процедуру его вырывания. Оно и куда больнее, и куда дороже.

– Зуб – это да, – потер щеку Коля. Он до сих пор помнил, как у него прошлым летом от боли челюсть сводило. Если бы не та ворчливая старушка, которая ему помогла, кто знает, чем бы все кончилось, поскольку к стоматологу он идти из принципа не хотел. – Олег Георгиевич, конкретики бы хотелось. Куда именно ехать, что там случилось?

– А я не сказал? – удивился Ровнин. – Прости, задумался. На Ярославке, в районе Сергиева Посада, вроде как снова призраки дорожные объявились. Слышал про таких?

Само собой, Коля про таких слышал, и не раз. И Пал Палыч про них рассказывал, и Герман, когда еще жив был, и даже Вика как-то раз поведала историю, как с одним таким столкнулась нос к носу. В принципе, это была большей частью совершенно безобидная нежить, которая никому никакого вреда и не думала причинять. Более того – ее даже в каком-то смысле можно было записать в жертвы людской молвы. Нравилось автолюбителям, увидевшим на ночной дороге бесплотную жуткую тень, рассказывать после о том, как злобное привидение специально хотело их с дороги столкнуть, чтобы в кювете окончательно прикончить. На самом деле это души людей, которые по собственной воле или по чьему-то высшему недосмотру не отправились в лучший из миров, и теперь просто бродили в тех местах, где встретили свою гибель. На живых им было плевать, даже если бы те рядом стояли, что уж говорить про водителей и пассажиров машин. Но кто бы в этом хотел разбираться, тем более что у страха глаза велики. Само собой, что каждый второй водитель, заметив призрачно-белую фигуру перед носом своей машины, на автомате сам дергался, и руль дергал, а с учетом того, что подобное почти всегда случалось на довольно непростых участках трасс, риск «улететь» был довольно велик. Вот и гуляют по свету байки про призраков-убийц и нехорошие участки дорог, причем у каждого мало-мальски серьезного шоссе таких мест может быть не два и не три.

Нет, случалось и такое, что призраки на самом деле выходили на дороги поохотиться на живых, но это скорее исключения из правил, не имеющие никакого отношения к дорожно-транспортным проблемам. Просто ночью на трассе жертву поймать куда проще, чем ждать ее в темном лесу или заброшенном доме.

– На Ярославке? – Коля почесал затылок. – Что-то я такое слышал.

– Ты, как видно, имеешь в виду князей Хованских? – уточнил у него с улыбкой Ровнин. – Старого да молодого? Конечно же, ты про них слышал, это одна из самых известных городских легенд.

– Точно! – подтвердил Коля. – Хованские! Я дело их листал, еще тридцатых годов.

– Как когда-то и я, – признался Ровнин. – Даже, помню, году в девяносто пятом в урочный день съездил на них посмотреть. Интересно ведь!

В данном моменте Коля точку зрения начальника не разделял, ему и в голову не могло прийти и просто съездить глянуть на каких-то древних призраков. Ему этого добра и на работе хватало.

Дело о князьях Хованских, впрочем, в свое время он прочел с интересом. Казнили их во времена правления царевны Софьи, сестры будущего императора Петра Первого, за государственную измену. Старший Хованский, Иван Андреевич был дядькой серьезным и командовал стрельцами, которых и подбивал на то, чтобы скинуть с престола царевну и посадить на него царевича Ивана. Как известно, переворот хорош тогда, когда о нем знает не так много народу, потому неудивительно, что планы захвата земли русской малой кровью провалились. Кончилось все грустно, Ивана Андреевича выманили обманом в село Воздвиженское, где и схомутали, а после добрались и до сына его, Андрея Ивановича. Долгие суды в те времена были роскошью, потому их сначала для порядка немного помучали, а после казнили.

История была громкая, потому быстро обросла разными несуществующими подробностями, тем более что точного места захоронения князей никто толком не знал. Кто говорил, что закопали их в селе Троицком, которое тогда «Городцом» называлось, кто рассказывал, что тела скормили свиньям, а чуть позже утвердилась версия, из которой следовало, что тела мятежных дворян затоптали в грязь на гати села Гольгино, причем головы их выбросили в близлежащее болото. Тогда же возникла и сказка о том, что время от времени призраки отца и сына выходят на дороги близ гати и просят запоздавших прохожих съездить в Москву и попросить царевну Софью о снисхождении и прощении для них. Само собой, факт того, что царевна к тому времени уже давно стала монахиней, а после и вовсе умерла, их совершенно не волновал. Со временем к этой страшилке добавились леденящие кровь подробности, вроде головы, которую старый князь снимает с плеч как шапку, чтобы выказать попавшемуся ему на пути прохожему свое вежество.

Последняя страница отчета, датированная тридцать четвертым годом, гласила о том, что никакой непосредственной опасности для молодого советского государства эти двое представителей царского режима не несут, хотя, конечно, надо бы их головы найти и уничтожить, с целью развоплощения призраков и пресечения старорежимных рассказов, смущающих умы отсталой части населения, но в связи со сложной мировой обстановкой, а также нехваткой времени данное дело отправляется в архив.

– Голову старший Хованский, конечно же, с плеч не снимал, – тем временем вещал Ровнин. – Они просто побродили по гати, потом долго стояли у одного болотного «окна», видать где-то там их черепа в тине до сих пор лежат, но и только. Но чтобы со мной заговорить или что-то другое – это нет. При этом они, конечно же, меня видели, поскольку я особо и не прятался.

– Вот вы рискованный, – не без зависти протянул его подчиненный.

– Коля, эти двое абсолютно безопасны для окружающих, – заверил его Олег Георгиевич. – Как, например, светлячки. Просто они не тем и не тогда дорогу перешли, за что и поплатились. В смерти Хованских обычно винят князя Голицына, но вот скверное посмертие им, я так думаю, обеспечил не он, а Милославские. В окружении этой фамилии много разных людей ошивалось, в том числе и какие-то заезжие итальянцы. Более всего случившееся напоминает типовое проклятие, согласись? Опять же, если ты помнишь материалы дела, то призраки князей появляются лишь в конкретные дни, связанные с определенной фазой Луны. Крайне необычная последовательность для обычного стихийного призрака, согласись?

– Ага, – подтвердил Коля.

– Но дело, как ты уже понял, не в Хованских. – Тон Ровнина утратил академичность и снова стал деловым. – Я толкую о призраках стрельцов с Убогой горы, которых с начала двадцатого века никто в глаза не видел, потому что наши предшественники работу свою выполняли на совесть. Это дело ты читал?

– Это нет, – озадачился Коля. – А что со стрельцами не так?

– То-то и оно, что все не так. Неоткуда им взяться, запечатали место их обитания давным-давно, как я тебе сказал. А они, похоже, снова объявились, если слухи не врут. И сразу подчеркну – думаю, не врут, их видели уже несколько человек, причем далекие от фантазий и придумок. Более того – неподалеку от того места, о котором я веду речь, найдены три автомобиля, водители которых исчезли неизвестно куда, и вот это уже никуда не годится. Потому бери машину и дуй в те края. Только вот что – если убедишься, что дело пахнет керосином, то горячку не пори и без оглядки никуда не лезь. Не исключено, что стрелы лишь верхушка айсберга, все может быть куда хуже, поскольку места там сильно непростые. Про урочье «Белые боги» слышал? Нет? Плохо, такие названия ты должен уже знать наизусть. Потому – огляделся, составил мнение, отзвонился – и пока все. Дальше я сам решу, что делать. Впрочем, может, все не так и страшно, тем более что Кеша всегда был изрядным паникером. Да, и Мезенцеву с собой возьми, а то опять она в отделе засиделась.

– Нелогично, – буркнул Коля.

– Что именно? – сдвинул брови Ровнин.

– Мне говорите, что надо быть осторожным и осмотрительным, и тут же подсовываете в напарницы порождение Великого Хаоса. Ее же танки не остановят, случись чего!

Свое решение Олег Георгиевич не поменял, потому вскоре отдельский микроавтобус уже двигался по направлению к Ярославскому шоссе.

– А мы в болото полезем? – спросила у Коли Мезенцева, с интересом читающая растрепанное дело.

– Нет, – меланхолично ответил ей напарник.

– А на Бесов луг пойдем? – поинтересовалась Женя, глянув на другую страницу.

– Нет.

– А капище старых богов искать станем?

– Нет.

– А на кой мы вообще тогда едем?

– Чтобы ты спросила.

После этого ответа Женька замолчала, злобно зыркнув на Нифонтова, и снова углубилась в дело, которое против всех правил утащила из здания. Коля уже высказал ей свое «фи» по данному поводу, но девушке на это, как обычно, похоже, было плевать.

Но самое забавное было в том, что он и сам не очень понимал, что именно он должен сделать там, в окрестностях Радонежа. Во время беседы с Ровниным ему вроде бы все было ясно, но сейчас это ощущение прошло, а вот некая растерянность, наоборот, нагрянула. Все же как в старой сказке выходит – пойдти туда, не знаю куда, отыщи то, не знаю что. Вполне может быть, что призраки, являющиеся местным жителям, и пропажа водителей автомобилей – это вообще не взаимосвязанные явления. Более того –! призраки могут оказаться последствиями алкогольных возлияний, а машины чистят какие-нибудь лихие люди. Совсем недавно двух таких прихватили на «горячем», причем те оказались еще и сотрудниками органов. Машины они за бесценок толкали перекупщикам, а водителей убивали, вот такая невеселая история. Правда, даже до суда эта парочка не дожила, их расстреляли какие-то борцы за правду, причем при каких-то совершенно уже нереальных обстоятельствах. Причем осуждать подобный самосуд Коля не стал, хоть вроде бы по служебному положению и должен был.

В общем, не знал Коля, за что именно сначала хвататься в данной ситуации. То ли и в самом деле отправляться на Бесов луг, место странное и непонятное, обозначенное в отчете, который сейчас читала Мезенцева, как «объект непонятный, но опасности для населения не несущий», то ли сначала походить по Убогой горе, упомянутой Ровниным, которая на самом деле являлась просто высоким холмом. Именно на ней, по преданиям, казнили князей Хованских, и все тот же сотрудник, который составлял отчет, о данном событии упомянул в нем так: «местные жители рассказали, что царским прихвостням тут головы снесли, а после их то

ли в Гнилой болотине утопили, то ли в речку Ворю, что рядом течет, кинули, потому они из прибрежного тумана в указанные дни и выходят. Но народ тут темный, не во всех деревнях радиоточки есть, и подкулачников, не разделяющих линию нашей партии, пока хватает, потому веры местным нет» Но вообще, похоже, этот сотрудник, Артем Синицин, был парнем упорным и последовательным, поскольку дело завершалось справкой, выписанной через пару месяцев после составления отчета, в ней он и рассказал, что таки повидал призраки князей и счел их абсолютно безвредными. Ведь не поленился, съездил! А тогда это было сделать куда сложнее, чем теперь. Да и поопаснее, коллективизация как раз была в самом разгаре, потому постреливали в сотрудников милиции и ОГПУ на лесных дорогах частенько, и даже в Подмоскowie.

Но, как оказалось, на этой горе не только Хованским от Софьи досталось, это Коля выяснил из дела, которое ему вручил Ровнин сразу после разговора на крыльце. Еще и два десятка стрельцов там же обезглавили, правда, несколько позже, уже во времена царствования ее брата, Петра. То ли их было кому-то лень в Москву тащить, где основные мероприятия происходили, то ли еще чего – в деле это обозначено не было. Как видно Григорий Стеклов, который его составлял в 1937 году, подробными историческими деталями не заморачивался. Ну оно и понятно, у него была другая задача – выяснить, с чего это призраки данных стрельцов аж через два века вдруг начали досаждают местным жителям.

Выяснил. Оказывается, их вызвала из небытия одна молодуха из находящейся рядом небольшой деревеньки. Захотелось ей отомстить местному красавцу, который ее поматросил, да и бросил, прельстившись статьями другой селянки. И все бы ничего, но молодуха-брошенка, как выяснилось, унаследовала силу бабки-ведьмы на пару с книгой заклятий и рецептов. До того и то, и другое она в ход пускать не собиралась, поскольку, во-первых, была комсомолкой, а во-вторых, бабку свою при жизни не любила и, чего уж там, побаивалась. Но тут обида ее взяла просто смертная, а когда женщина в таком состоянии, то она на что угодно пойдет, лишь бы отомстить.

Отомстила. Утопили молодца восставшие из небытия стрельцы в болоте, а следом за ним и грудастую разлучницу-доярку туда же отправили. А после еще пару человек заманили в топи и там, похоже на куски разорвали, поскольку только одни окровавленные обрывки одежды от них и остались.

Что ни ночь – крутятся тени в длиннополых кафтанах вокруг деревушки, бродят по пустынным улицам, в окна заглядывают. Председатель поначалу боялся в область звонить, поскольку генеральная линия партии любую мистику отрицала, но в какой-то момент понял, что скоро таким образом всем жителям деревни конец настанет, и ему в том числе. Призракам на марксизм плевать, поскольку последней их жертвой стал заезжий лектор, который как раз о родоначальнике данной науки приезжал доклад делать. Утащили его призраки к себе на болота и там растерзали.

Информация о звонке дошла до самого Бокия, поскольку смерть лектора, который нес в крестьянские массы свет знаний о пролетариате и его роли в мировой истории, являлась делом одновременно как политическим, так и непонятным, а подобные переплетения находились как раз в его ведении. Ну а поскольку Бокий в то время как раз курировал отдел, то именно его сотрудник отправился разбираться, что там в деревне к чему. Оно и понятно – люди Бокия, те, что работали в девятом отделе ГУГБ НКВД СССР, делами посерьезней занимались, подобная бытовуха им не по чину.

Подробностей непосредственно расследования в бумагах, вложенных в пожелтевшую папку, не имелось. То ли они просто пропали, то ли сотрудники 30-х годов не считали нужным размениваться на мелочи, исходя из того, что результат достигнут – и хорошо. Но, как видно, дело вышло жарким, поскольку Стеклов по его итогам был награжден отрезом ткани и двухнедельным отпуском для лечения по ранению. Еще в папке имелась справка из управления ГУЛАГ, о том, что председатель сельсовета и еще трое граждан были осуждены по полити-

ческой статье и отправлены на строительство очередного водного канала. Ну оно и понятно. Потустороннюю жизнь марксизм действительно отрицает, кроме, понятное дело, призрака коммунизма, а вот за исчезновение лектора все равно кто-то должен был ответить.

И еще одно было понятно предельно – Стеклов сумел докопаться до первопричины бедствия и каким-то образом загнал призраков в небытие. Но вот как именно? Единственное, что предшественник счел нужным упомянуть, так это то, что рядом с Убогой горой он отыскал три каких-то старых капища, которые, по сути, являют собой одно целое, но что к чему писать не стал. Может, спешил, может, поленился.

Потому и находился Коля в некоем душевном раздрае, не зная, с чего именно начинать расследование. Впрочем, на его удачу определенная отправная точка все же имелась, пусть и неказистая. Ей являлся тот самый приятель Ровнина по имени Кеша, с которого все и началось. Он должен был встретить оперативников там, в районе Радонежа, на повороте, от которого начиналась дорога, ведущая к Убогой горе, и более подробно рассказать о происходящем.

Отчего-то Нифонтову казалось, что Кеша этот – местный краевед, может, даже, директор небольшого этнографического музея, в котором главными экспонатами являются подлинная пашка одного из легендарных героев гражданской войны, некогда рожденного в этих краях, и поддельный бивень мамонта, лежащий на почетном месте между прялками и кокошником.

И он здорово удивился, когда выяснилось, что Кеша – он для Ровнина Кеша, а для него, старшего лейтенанта Нифонтова, это подполковник Суворов Иннокентий Геннадьевич, начальник местного РОВД.

– Вольно, – как видно, поняв ход мыслей Коли, усмехнулся подполковник, немолодой и пузатый мужчина с добродушным лицом, за минуту до того вылезший из патрульной машины. – Да правда, расслабься, старлей. Мы в неформальной обстановке, можешь не тнаться. Вон напарница твоя подогадливей оказалась, она сразу так себя повела.

– Да нет, у нее просто инстинкт самосохранения в детстве отключили, а рычажок, отвечающий за его обратное включение, сломали, – пояснил Коля и достал из кармана сигареты. – Товарищ подполковник...

– Иннокентий Геннадьевич, – поправил его тот. – Серьезно, заканчивай. Что хотел спросить?

– Вы уверены, что происходящее – звенья одной цепи? Может, мухи отдельно, а котлеты отдельно?

– Может, и так, – ответил Суворов. – Только я, старлей, в совпадения не верю. Нет, я и во все ваши трах-тибидохи тоже не верю, но в совпадения – больше. Сначала пропадает Власьевна, после появляются эти... Мороки, назовем их так, а следом вон машины брошенные в кустах образовались. И все это – почти одновременно. Нет, приятель, так не бывает.

– А Власьевна – она кто? – насторожился Коля.

– Формально – пенсионерка. – Лицо подполковника приняло недовольное выражение. – Ну а люди всякое про нее болтают.

– Мол – ведьма она, – понимающе кивнул Нифонтов. – И на поклон идут с подношениями, причем со всего района.

– Ну это ты уж Власьевну не переоценивай, – попросил его Иннокентий Геннадьевич. – Не настолько она популярна. С близлежащих деревень – да, идут, но чтобы со всего района?

– И она, стало быть, пропала? – задумчиво повторил слова местного полицейского Коля. – Весело. А она вообще как – старушка-божий одуванчик, или крепкая бабка, из тех, что за пенсией бегом бегут?

– Скорее – крепкая, – подумав, ответил Суворов. – Хотя лет ей... Знаешь, я сам местный, неподалеку отсюда, в Росьино, моя родня до сих пор живет. Так вот – Власьевну я с детства помню, и уже тогда она была старая бабка. Сейчас у меня вон волос почти не осталось, и пузо до носа, а она вообще не изменилась, все такая же.

– Коль, а эта Власьевна, часом, не та ли красотка, которая в тридцатых кашу заварила? – вдруг поинтересовалась Мезенцева. – В деле ведь про то, что с ней стало, ни слова нет. Словно всем глаза отвели.

Эта мысль в голову Нифонтову пришла и без нее, но он был рад, что Женька наконец перестала заниматься всякой ерундой и начала думать.

– А как фамилия Власьевны? – спросил у подполковника Нифонтов.

– Орехова, вроде. Но кто ее по фамилии-то называет? Власьевна да Власьевна, – подумав, произнес тот, глянув на сержанта-водителя, сидящего в машине. – Леш, ты же из этой деревни, паспортные данные фигурантки знать должен лучше меня.

Сержант безмятежно улынулся и передернул плечами, как бы говоря: «Чего не знаю – того не знаю».

Впрочем, пасьянс уже сошелся. Орехова. Стало быть, права Женька, это и есть та самая молодуха, которая еще тогда, много лет назад, вытащила тени стрелцов из небытия.

Это сколько же ей лет, выходит? Она, по ходу, тете Паше ровесница. А говорят, долгожители только на Кавказе водятся. Да шиш вам, их и у нас, в Средней полосе России, хватает.

Впрочем, возможно Власьевну из этого списка можно уже вычеркивать, коли деревенская ведьма вот так вдруг куда-то запропастилась, значит не все так просто, что-что, а это Коля знал неплохо. Деревенские ведьмы, не оторвавшиеся от своих корней, от века ладящие с лесными и полевыми хозяевами, просто так не пропадают. В плане выживания они куда более опытные, чем их, прямо скажем, изнеженные городские коллеги, избалованные благами цивилизации.

– Власьевна – ладно, мороки тоже, – тем временем вещал Суворов. – Но вот все остальное... Не дай бог какой шелкопер волну в интернете поднимет, дескать, «в районе Сергиева Посада завелся дорожный маньяк-убийца», – и все, пиши пропало. Вот сколько же неудобств у нас стало из-за этого интернета, а, старлей? И, главное, придумывают больше, чем есть на самом деле! Машин нашли три, а напишут – тридцать. А кому отвечать? Мне. Сразу комиссию пришлют, после прокурорские наедут, а следом за ними и служба собственной безопасности припрется, куда без них! Мол – проверка на предмет соответствия занимаемой должности. А мне до пенсии два года осталось. И ладно бы мы ничего не делали. Мои парни все перерыли вокруг, всех опросили. Хотя кого тут опрашивать, в деревне два с половиной старика осталось, молодежь вся давно разъехалась. Ну а дачный сезон еще не начался. Нет, оно и к лучшему, старики аккаунтов в соцсетях не имеют, потому вся эта дрянь в сеть пока и не просочилась. Ну а своим я пообещал головы оторвать, если хоть слово налево уйдет. Они меня знают. В смысле – что это не в переносном смысле сказано, а в прямом.

– И? – поторопил его Коля.

– И, – засопел подполковник. – Выяснилось, что на самом деле таскаются в ночи эти самые мороки. Как стемнеет, от реки они приходят, от Вори, стало быть. В деревню пока не суются, но то пока. Знаешь, у меня оперативники парни тертые, парочка еще с «нулевых» работает, всякое повидали, но здесь их здорово пробрало. Говорят, что даже про оружие забыли, как этих долгополых с топорами на древках увидели. Посидели они на холме, посмотрели, дождались, когда мороки в поле уйдут, да и свалили оттуда подобру-поздорову.

– Мне бабка рассказывала, что такое уже как-то раз случалось, – вдруг подал голос водитель Леша. – Еще до войны.

– Да это всем тут известно, – отмахнулся Суворов. – И князя старого с сыном кто хотел, тот видел. Я и сам по молодости на него бегал смотреть. Но вреда-то от них не было никакого, а тут вон чего началось.

– Про нашего князя даже в книжках написано, – лучезарно улынувшись, сообщил Женьке Леша. – У писателя Рыбакова! Я-то его тоже видел.

Было видно, что он гордится этим фактом.

– Так что, старлей, давай, делай что-нибудь, – подытожил подполковник, сняв фуражку и вытерев испарину со лба. – Ровнин сказал, что ты перспективный сотрудник, хоть и молодой, так соответствуй, не подведи своего начальника. Ну а за мной не заржавеет, не сомневайся. Понятно, что представление на новую «звездочку» я тебе написать не смогу, уровень у меня не тот, но медаль «За вклад в укрепление правопорядка» обещаю. Понимаю, пустячок, но приятный же!

– А мне? – взвилась Мезенцева.

– А тебе подарим мешок семечек, – хмыкнул подполковник. – Ты кто? Практикантка небось? Вот и соответствуй. И не лезь в разговор, пока не спрашивают. Так вот, старлей – рой носом, но всю эту чертовщину мне тут пресеки! Ну а от меня если чего надо – людей там, технику, – нет проблем, окажем содействие.

– На гору проехать можно? – уточнил Коля. – Мне бы там оглядеться.

– Можно, – подал голос Леша. – Дороги не развезло еще, снег пока держится. У нас тут не город, труб под землей нету.

– Стало быть, оттуда начнешь? – уточнил Суворов. – Может, оно и верно.

– Сначала дом Власьевны посетим, после по окрестностям покатаемся, а как стемнеет, рванем на гору, – ответил ему Коля. – С нее обзор ведь хороший?

Глава пятая

Старое капище (окончание)

Всю дорогу Коле не давали покоя слова его коллеги из тридцатых годов о капищах. Он и так прикидывал, и эдак, и все понять не мог, как они могли быть связаны с происходящим. Нет, так-то логика вроде есть, и она понятна – капища есть места служения богам, там и жертвоприношения, возможно, совершались, а если место силы вдобавок кровью попотчевать, то всякое разное случиться может, вроде явления призраков, вылезших из дыры, которую плотно заткнули пробкой невесть когда.

Но вот одно обстоятельство просто-таки перечеркивало всю эту теорию. Капища эти являлись местом поклонения старым богам. Славянским, в смысле. А это значит, что как минимум к текущей проблеме, связанной с тенями петровских стрельцов, они точно никакого отношения не имеют. Стрельцы без тени сомнения при жизни были православными, веровали в Христа, и никакой Белобог или Чернобог их тени потревожить не мог.

И потом – ну да, те сущности были сильны, их адепты и сейчас, пусть даже нечасто, но дают о себе знать, но, как правило, никаких пакостей они не совершают. Славянские боги относительно тихо-мирно уступили дорогу новой религии, и скрылись за пеленой времени, оставшись в этом мире в виде монографий, докторских диссертаций и персонажей фэнтези-романов. Нет, волхвы, что им служили, случалось, чудачили, особенно по первости, но к семнадцатому веку они окончательно растворились в лесных чащах, поняв, что их история подошла к концу. Опять же – «растворились» не означает «исчезли», кое-кто до сих пор верен душой Перуну, Велесу и остальным представителям славянского фольклора, но почти всегда это больше игра, чем истинная вера, выражающаяся в безобидном ношении старинных одежд и распевании песен, которые они искренне полагают теми самыми, старыми, хоть это, конечно, и не так. Опять же – в отличие от строгого и торжественного христианства, языческие обряды кажутся веселыми и беззаботными. Прыганье через костер, запускание венков по реке, хороводы, огненное колесо, спускаемое со снежной горки... Все это больше похоже на забаву, а потому выглядит притягательно, потому даже верующие в Спасителя люди в большинстве своем на пару-тройку дней не прочь стать язычниками. На Масленицу, по крайней мере, блины трескают вообще все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.